

18+

ЮРИЙ ЯНЬШИН

**ФОРМУЛА
БОГА.
ВОСХОЖДЕНИЕ**

Юрий Витальевич Яньшин

Формула Бога. Восхождение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63177142

ISBN 9785005176592

Аннотация

Полковник Ангельской Службы Захария, вернувшись с Земли домой, продолжает искать пути спасения человечества от саморазрушения. На этом пути он встречает новых друзей, находит свою любовь и встречается со Всевышним, у которого находит ответы на многие свои вопросы и получает благословение на новые подвиги.

Содержание

Яньшин Юрий Витальевич	5
XIV	6
XV	35
XVI	82
XVII	101
XVIII	122
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Формула Бога. Восхождение

Юрий Витальевич Яньшин

© Юрий Витальевич Яньшин, 2020

ISBN 978-5-0051-7659-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Яньшин Юрий Витальевич

Часть вторая. Восхождение

Когда бог, спустившись с неба, вышел к народу из Питанских болот,

ноги его были в грязи.

(Стругацкие А. и Б. «Трудно быть Богом»)

XIV

На другом конце Вселенной. Вчера, а может миллион лет назад. Все относительно в этом мире... Жил-был Бог. Бога звали Господь, и он принадлежал к расе «сиренийцев» с незапамятных времен населявших и обживавших этот кусок видимой части Вселенной. Отца у него не было. Вернее он был, но скорее всего, погиб в гравитационном разрыве, изучая взаимодействие нашей и соседней с нею Вселенной. Гравитационный провал между Вселенными это не то же, что Складки Времени, из которых если повезет, то можно выбраться через какую-нибудь пару-тройку тысяч лет. Здесь надежды на возвращение практически не было. Бог тогда был еще совсем маленьким и отца почти не помнил. Его мать – Алфея, хоть и красивая, но простая женщина, несмотря на поступавший с разных сторон предложения второй раз замуж выходить не стала из-за опасений, что «любимый сыночка» может не поладить с отчимом. Ни у нее самой, ни у покойного мужа близких родственников не было, которые бы могли помочь в трудную минуту. Нельзя было сказать, что они с матерью как-то материально бедствовали. Такого на Сирении просто не могло быть. Просто жизнь в перенаселенной столице накладывала некоторые ограничения бытового характера. Можно было, конечно, жить в куда более комфортных условиях, где к их с сыном услугам были

на выбор целые куски многочисленных планет, разбросанных в окрестностях местного светила. Но мать считала, что только находясь в столице и вращаясь в столичном обществе можно было обратить на себя внимание и тем самым чего-то добиться в жизни. Так и поднимала сына «на ноги» в гордом одиночестве, хлестаясь с утра до позднего вечера на двух работах. Как и всякая порядочная, но одинокая мать она души не чаяла в своем единственном отпрыске, поэтому комплекс «наседки» и ее не обошел стороной. Пытаясь заменить ему безвременно ушедшего отца, она буквально растворялась в своей ненаглядной «лапушке», «рыбоньке», «ласточке», «сердечке», «солнышке» и еще куче эпитетов коими она беспрестанно сопровождала свою речь, обращаясь к сыну. Сдувая пылинки со своего обожаемого чада, она беспричинно опасаясь за его здоровье, с детства кутала в невероятное количество одежды, так что он походил скорее на маленький и неуклюжий сугробик, чем на мальчишку его возраста. До пятого класса провожала его в школу, чтобы он ненароком не встретился по дороге с хулиганами, считая таковыми почти всех дворовых ребяташек. Ошибочно считая, что главное в воспитании – это питание, постоянно пичкала его всевозможным съестным, включая, ненавидимые им «до печенок» всякие там поливитамины. Чуть позже, когда он немного подрос, она уже с нехорошим прищуром оглядывала подружек и одноклассниц сына, посмеявшихся приблизиться к нему ненароком и попавших

под прицел ее бдительных глаз. А оставшись с ним наедине с едким ехидством, на которое способны только закаленные в боях со снохами свекрови и одинокие матери, высмеивала все видимые и мнимые их недостатки. Из всего вышесказанного вовсе не следует, что Господь стал эгоистичным и самовлюбленным «маменькиным сынком». Нет, напротив, вся нерастраченная материнская любовь отобразилась в его чертах мягкостью и терпеливостью характера, даже можно сказать застенчивостью. Зная как матери тяжело поднимать его без отца, он как мог, старался помочь ей из всех своих детских силенок. С удовольствием делал работу по дому, начиная от мытья посуды и кончая уборкой, в их оставшейся от отца хоть и большой, но скудно обставленной квартире, бегал с различными поручениями, изредка даваемыми матерью, а главное старался во всем не огорчать любимую мамочку. Поэтому никогда не употреблял матерных слов, не пел у подъезда под брнчащую гитару блатных песен, не водил дружбы с местной шпаной, и не научился втихаря смолить, недокуренные кем-то сигареты. Природная застенчивость не позволяла ему выражать к матери свою любовь такими же пылкими методами, как она выражала свою, но можно было не сомневаться, что мать в жизни сына занимала основополагающее место без всякого преувеличения. В общем и целом, отношения в их маленькой ячейке общества, безусловно, носили гармоничный характер. В положенный срок Господь окончил школу с золотой медалью и без

всякого напряжения, не слушая посторонних советов, поступил на дневное отделение глобального института «Макротел Вселенной», того самого, что когда-то окончил и его отец. Правда, по стопам отца не пошел, как надеялись многие знакомые, которые хорошо знали его в свою бытность, а выбрал кафедру под названием «Морфология наиболее распространенных во Вселенной биологических структур» биохимического факультета. Окончив с отличием (кто бы сомневался при такой-то маме) вышеозначенный вуз, остался на той же кафедре, где уже спустя четыре года защитил кандидатскую диссертацию по теме «Классификация живых организмов на основе углеродосодержащих молекулярных соединений». Саваоф, заведующий кафедрой, лысый и худенький старичок с вечным ехидным выражением на лице, любимцем которого Господь являлся, еще, будучи студентом первого курса, не без оснований считал молодого кандидата своим естественным преемником на этом посту. Мать, сияя от осознания того факта, что ее любимый сыночек «выбился в люди» без посторонней помощи и протекции, а исключительно своим умом и талантом, уже рисовала в своей голове радужные картины будущего. Она уже не была против того, чтобы сын обрел свое семейное счастье. Однако выбор будущей невесты целиком и полностью возложила на свои хрупкие плечи, считая, что такое ответственное дело ни в коем случае нельзя доверять ребенку.

Бог был молодым, а значит амбициозным и самоуверен-

ным до крайности, поэтому не стал долго раскачиваться после защиты кандидатской диссертации, почивая на лаврах. Не долго стряпая, он решил приступить к написанию докторской. Еще в стадии написания кандидатской он обратил внимание на богатое разнообразие форм жизни, ключевую роль в которых играют соединения углерода. Его способность образовывать полимерные цепочки привело к тому, что органические соединения, в которых он присутствует в качестве главного элемента, получили наибольшее распространение во Вселенной. На сотню миллиардов галактик, находящихся во Вселенной, количество планет, где присутствует жизнь на основе углерода, на несколько порядков превышает количество планет с жизненными формами на основе кремния. Что уж тут говорить про радиоактивный нуклид кремния ^{32}Si , на основе которого зиждется жизнь сиренийцев? В этом плане сиренийцы представляли собой уникальнейшую форму жизни, нигде более не встречающуюся как на планете Сирения. Однако, несмотря на свою грандиозную распространенность, жизнь на основе углерода, а тем более разумная жизнь имела свою, достаточно специфическую эволюционность. Ни одна из известных сиренийцам планет, где господствовала «углеродная» жизнь, не смогла развиться в цивилизацию хоть сколько-нибудь пригодную для осуществления контакта с ней. Всякий раз, казалось бы, вот-вот, уже совсем скоро представители такой цивилизации овладеют тайной атомного ядра, преодолеют гравитацию и вый-

дут в космическое пространство, где их с распростертыми объятиями встретят братья по разуму. И всякий раз, примерно на этом этапе развития, каждая из таких цивилизаций прекращала свое существование. Она сама, без постороннего вмешательства, уничтожала себя. Это всегда происходило в результате войн с применением ядерного, химического, бактериологического, либо еще какого-нибудь способа массового самоуничтожения. Складывалось впечатление, что как будто бы кто-то умный и жестокий специально ставил таймер самоуничтожения именно на пороге перехода цивилизаций на новую ступень развития. Сиренийцы, движимые чувством любви к братьям по разуму, много раз пытались вмешаться в этот страшный процесс. Нарушая все принятые ранее табу на общение с цивилизациями не достигшими определенного уровня развития, вступали в контакты с представителями миров, находящихся на краю бездны, как через посредников, так и напрямую, отговаривая и уговаривая последних от опрометчивых шагов. Но все было напрасно. А когда после некоторых таких «переговоров» сами сиренийцы, участвующие в этом процессе оказывались в числе пострадавших, то махнули рукой и отступились, признав данное поведение неразгаданной закономерностью. Некоторые из ученых пытались объяснить данный феномен «бесконфликтностью» самого углерода, а именно способностью атомов углерода к образованию двойных и даже тройных связей, что приводит не только к разнообразию

его форм, но и их усложнению, в конечном итоге приводящее к неустойчивости самой системы. Иными словами, при подходе к образованию наиболее сложных форм атомарных связей, углеродные соединения приговорены самой природой к саморазрушению в виду «утяжеления конструкции» и запаздывания реакции этих связей на внешнее воздействие. Объяснение, конечно, довольно туманное, но другого толкового объяснения пока не находилось. Исследования в данной области признали бесперспективными, а наблюдатели в очередной раз с глубоким вздохом сожаления вычеркивали еще одну планету из реестра предцивилизаций, видя в квантовые телескопы очередной взрыв на месте такой планеты.

Видя, что данная тема порядком всеми подзабыта и заброшена, Господь, с присущим ему молодым задором решил взяться за нее как следует. Вполне здраво рассудив, что все попытки повлиять на цивилизации подобного типа проваливались в результате слишком запоздалого вмешательства, когда механизм самоликвидации уже запущен, он решил осуществить это вмешательство на ранней стадии развития местной жизни. Это позволило бы ему без всяких дипломатических церемоний с увещеваниями и уговорами, грубо и нагло вмешаться в процесс путем генетических изменений, в организмах некоторых представителей будущей цивилизации. Но сначала было необходимо посоветоваться со стариком Саваофом. В официальных стенах кафедры он

постеснялся ошарашивать своего учителя о своей задумке, поэтому не нашел ничего лучшего для себя, как напроситься к профессору в гости, тем более он и так частенько там бывал и старик всегда принимал его у себя с гостеприимством и дружеской теплотой, исключаяющей какую-либо субординацию. Мысленно настроившись на волну учителя, представив его образ, послал запрос на контакт. Ответ был получен тотчас же.

– Здравствуйте, учитель!

– Здравствуй, Господь!

– Учитель, мне настоятельно необходимо с вами встретиться и переговорить по очень важному делу. Согласитесь ли вы меня принять у себя в неформальной обстановке?

– С чего это ты перешел на такой суконно-канцелярский язык?! Что-то я не упомяну, когда ты со мной так говорил?! – недоуменно и слегка обиженно проворчал Саваоф.

– Извините, учитель, так вышло. Просто я сильно волнуюсь, – пробормотал он мысль.

– Ладно-ладно, чего уж там... Видимо дело действительно немешкотное. Если тебя не смущает дикая орава варваров, бегающих по квартире, то милости просим.

– Спасибо, учитель. Тогда я сейчас подойду, – пропустив мимо ушей, предупреждение о варварах спешно сообщил Господь.

Уже через пару минут, он стоял у дверей с никелированной табличкой «профессор Саваов» и нажимал на, неприят-

ный до жути, дребезжащий звонок. Тут же из-за двери слышались детские крики и шаркающие шаги. Дверь открылась и на пороге появилась сухошавая как у кузнечика фигура профессора в халате с атласным отворотом и в стоптанных шлепанцах. За спиной старика наперебой раздавались детские голоса:

– Деда! Деда, кто там?! Деда, это баба пришла?!

– Кыш-кыш, огольцы, никакая это не баба! Не видите что ли, это дядя Господь ко мне пришел?! – отмахиваясь от стайки ребятишек, проорал он, впуская гостя. – Проходи-проходи, не бойся, это не банда, а всего лишь внуки, которых нам со старухой подбросил на время сыночек со снохой.

Господь прошел в прихожую, намереваясь разуться. Ребятишки, которым было примерно от пяти до семи лет, с такой скоростью крутились возле его ног, что у него зарябило в глазах, и он даже не смог четко уяснить для себя, сколько же их тут на самом деле: четверо или целый взвод. Дед что-то там еще орал на внуков, но его никто не слушал. Наконец, дождавшись, когда гость переобуется в специально приготовленные для подобного случая тапки, старик ухватил его за лацкан пиджака и потащил за собой на кухню. Там, отдышавшись и закрыв за собой поплотнее дверь, продолжил:

– Молодые, понимаешь, уехали на курорт куда-то в область Пояса Ориона, а нам вот подбросили эту орду. И старуха моя куда-то запропала, ведь сказала же, что на минут-

ку к соседке и обратно. Видимо тоже решила передохнуть хотя бы часок, – как бы оправдываясь, поведал профессор своему любимцу.

– Да ничего-ничего, не волнуйтесь вы так! Она непременно скоро придет, вот увидите! – поддержал его ученик.

– В кабинет не зову, эта банда настроила там баррикад и регулярно устраивает штурм. Если эта вакханалия продлится еще пару дней, то буду ночевать на работе, – сокрушенно произнес он. – Ты проходи, садись. Тебе чаю или кофе?

– Мне, пожалуйста, водички. Холодной. Можно?

– Ого! – воскликнул профессор, пожимая плечами и качая головой, но все же наливая кипяченой воды из чайника в массивный граненый стакан. Присел напротив. – Раз не чай и не кофе, значит разговор очень серьезный.

– Да, профессор, – согласился Господь и без всяких околечностей сразу перешел в атаку. – Что вы можете сказать об эволюции органических существ на основе углеродистых соединений?!

Пожевав старческими бескровными губами, тот опять невольно пожал плечами, отмечая, что уже во второй раз за последнюю минуту делает этот, в общем-то, несвойственный ему жест:

– А что я могу сказать, кроме того, что уже не раз было сказано на различных научных форумах?! Только то, что, несмотря на многообразие углеродистых соединений,

которое на первоначальном этапе развития помогает сохранить популяцию белково-углеродистую жизнь от неблагоприятных превратностей среды, при дальнейшем развитии и усложнении форм, препятствует ее эволюции, в чем мы имели несчастье убедиться во множестве раз.

– Учитель, вы прекрасно знаете, как я к вам отношусь. Вы мне в какой-то мере заменили отца, которого я никогда не знал. Я вас очень-очень уважаю...

– Так-так, – насторожился старик.

– Но давайте заглянем правде в глаза. Как называется наша с вами кафедра?! – и тут же сам себе ответил. – Морфология наиболее распространенных во Вселенной биологических структур. Звучит претенциозно и многозначительно, а на деле, по сути своей, представляет из себя замшелую и никому не интересную отрасль науки с вечным недобором студентов, желающих вздремнуть на скучной лекции. Нечто среднее между археологическим музеем и статистическим управлением. Чем мы занимаемся?! Наблюдаем и регистрируем, наблюдаем и регистрируем. Никаких новаций, никаких идей! Прямо болотная трясина какая-то!

– А ты что же, принес за пазухой камень, который собираешься кинуть в это, как ты говоришь, болото? – с иронией произнес профессор. Подобные разговоры для него были не в новинку.

– В некотором смысле.

– Киданием камней в болото, ты его не очистишь от тины

и не осушишь, а вот лягушку, сидящую на болотной кочке и мирно дремлющую в ожидании выхода на пенсию, можешь этим камнем и прибить. И чую я, что роль этого несчастного земноводного уготовлена мне, по твоей милости, – с какой-то обреченностью в голосе заметил он.

– Да нет же! Нет! – вскричал Господь. – Напротив, учитель, я предлагаю открыть новые горизонты, до сих пор неисхоженные тропы и новые научные методы.

– А просто дождаться моей смерти никак нельзя?!

– Вы же меня знаете, учитель, что я не дам вам спокойно умереть в постели в окружении любящих и скорбящих домочадцев! – весело воскликнул он.

– Да уж, – прокряхтел старик. – Это точно. Наверное, только находясь в гробу, я смогу отдохнуть от твоих эскапад. Ну выкладывай, что там у тебя?

– Да, так вот, профессор, к тому что вы сейчас сказали об углеродистых структурах, – сбил его с печальной темы непоседливый ученик. – Это всем известные факты. И с ними не поспоришь, но это все относится к объективным эволюционным процессам, а я хотел бы затронуть тему направленной эволюции...

Саваоф поглядел на своего ученика с интересом врача психиатрической клиники при виде нового пациента:

– То есть как, направленной? Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что все наблюдаемые нами доселе цивилизации, основанные на углероде, как основном элементе

всех молекулярных преобразований, прекращали свое существование, так и не достигнув хоть сколько-нибудь значащих успехов в своем развитии. Так может быть попробовать вмешаться в этот процесс, хотя бы чисто из альтруистических побуждений?!

– Что значит попробовать вмешаться?! А мы разве не делали попыток вмешаться? Делали! И ты наверняка прекрасно об этом знаешь, а так же то, к чему это приводило всякий раз!

– Да, знаю, профессор! – поморщился Господь. – Но это было не вмешательство, в прямом смысле этого слова, а, простите меня, соплежуйство с элементами невразумительной дипломатии. Да и то, на стадии, когда что-либо предпринимать уже было поздно.

– погоди! Что ты предлагаешь, не пойму никак!

Господь ухватил граненый стакан и жадно, как будто во рту у него все пересохло от многодневной жажды, выхлебал его до дна и с явным сожалением поставил на стол. Саваоф тут же налил по новой. Ученик опять припал губами к стеклотаре, но уже без ярости, а как бы смакуя каждый сделанный глоток, а затем отставив его в сторону. Продолжил:

– Я тут на досуге посидел, покопался в информатории и сепарировал информацию за последние пятьсот миллионов лет. И любопытная картина сложилась у меня в голове. Все эти цивилизации прекратили свое существование не в результате сбоя химических процессов внутри их

тел и не в результате «рухнувших» углеродных конструкций вследствие их чрезмерного усложнения, как нам вещает наша официальная наука. Нет. Разрушение цивилизаций происходит в результате противоречий, накопленных политико-экономической формацией. Иными словами, разрушение происходит в умах, а не телах. Ведь вы только посмотрите статистику? Они уничтожают сами себя в результате экономических, идеологических, социально-расовых и в конце концов религиозных противостояний, объективных предпосылок к большинству из которых просто не существует.

– Эка невидаль?! Изобрел велосипед! Да это и так всем известно, – фыркнул профессор. – А официальная теория принята в таком виде, чтобы горячие головы, вроде твоей, уберечь от соблазна с оружием в руках отстаивать право и справедливость на далеких планетах. И чтобы ваши мамки не рыдали по ночам в подушку от страха за судьбу сыночка, ринувшегося в эту свистопляску.

– Ладно-ладно, – замахал на него Господь руками. – Я согласен, что эта очевидность лежит на поверхности, просто всем стало удобно ее не замечать.

Саваоф опять поморщил свой остренький носик от напористости своего визави, но промолчал, а тот продолжал свою мысль, плотнее прикрывая дверь в комнату, откуда стали доноситься уже истошные вопли:

– Я ведь что предлагаю? Я предлагаю осуществить вмешательство не просто на ранней стадии развития цивилиза-

ций, а когда они еще даже не проявляют сколько-нибудь значимых зачатков самосознания. Причем осуществить вмешательство, скажем так, хирургическими методами, путем перепрограммирования их генетического кода.

Тут профессор даже не выдержал, и всплеснул своими маленькими ручками, ударяя себя по карманам халата.

– Да вы батенька авантюрист, как я погляжу! – перейдя на «вы», что выдавало в нем крайнюю степень возбужденности, воскликнул он, но быстро взял себя в руки и, склонив голову набок, поинтересовался. – Тебе что-нибудь известно о теории детерминизма?!

– Обижаете, учитель! – насупился ученик. – Теория божественной предопределенности исторических, политических, экономических и биологических процессов, мне известна достаточно хорошо, чтобы отвергнуть ее.

– Вот как? – опешил от неожиданности старик. – Стало быть, многочисленные примеры самоуничтожения цивилизаций, не несут в себе никакой предопределенности?

– По этой теории, всякое развитие не имеет никакого смысла, если кому-то уже и без того известен результат, а все изменения на пути развития тщетны по своей сути. Так можно договориться и до самого отрицания нашего с вами развития, но, тем не менее, мы живем, развиваемся...

– И что? Разве наше развитие не укладывается в эту теорию? – съехидничал профессор, прерывая собеседника. – Просто мы плывем по указанному нам течению. Кто сказал,

что развитие нашей цивилизации не predeterminedо выше?!

– То есть, я так понимаю, что и наше развитие и самоуничтожение иных форм цивилизации уже зафиксировано? Одним, стало быть, жизнь и процветание, а другим, увядание и смерть, и хоть тресни головой об стену, ничего с этим не поделать? – и, дождавшись не слишком уверенного кивка учителя, продолжил. – А где, смею вас спросить, находятся те критерии, по которым происходит подобный отбор? Так ведь можно договориться, черт знает до чего, вплоть до расовой сегрегации. А это, уж извините меня, никакая не теория детерминизма, а настоящий фашизм получается.

Профессор побурел от такой наглости. Еще никто и никогда не осмеливался бросать ему такие обвинения, хоть и в завуалированной форме. Но своему любимцу он готов был простить еще и не такое. И они оба об этом знали. Тут на кухню со слезами и криками вбежал малыш, лет пяти и захлёбываясь от горя и несправедливости с порога начал кричать:

– Деда, деда, Ингуаль у меня отнял лошадку!!

Вслед за ним туда же прибежал еще один, примерно такого же возраста, держа в одной руке и протягивая ее деду, что-то похожее на игрушечную зверушку, а другой, размазывая по лицу слезы и сопли, начал жаловаться:

– Деда! Рассей, оторвал голову у моей лошадки!

Первый малыш моментально развернулся и уже хотел наброситься с кулачками на второго, но Господь вовремя сори-

ентировался и успел ухватить того за рубашонку, вылезшую наполовину из колготок, удерживая малыша от схватки. Кулачки замахали в пространстве, не достигая соперника. Дед, тем временем проделал подобную операцию со вторым драчуном.

– Это еще что такое?! Как вам не стыдно?! – загремел профессор, пытаясь переорать крики оппонентов. – Внуки профессора Саваофа устраивают драки! Какой позор! Да я не знаю, что сейчас с вами сделаю!? Н-е-е-т! Я знаю, что я с вами сделаю! Я пожалуюсь на вас бабушке!

Угроза привлечь к разбирательству бабушку, имела, впечатляющий эффект. Оппонентов будто разом окатило холодной водой и превратило в каменные изваяния. Дед ударил ниже пояса, сразу зайдя с козырей. Такой подлости от него противоборствующие стороны никак не ожидали. Ненадолго повисла гробовая тишина. Молчали, сидя в окопах вражеские стороны, удерживаемые руками взрослых дядь. Молчали, шмыгая носами и не решаясь переступить порог кухни, немногочисленные свидетели и зрители, привлеченные сюда дедовскими криками. После не в меру затянувшейся театральной паузы, прокурор продолжил, строго вперив взгляд в провинившуюся сторону:

– Рассей, ты зачем оторвал голову у лошадки?!
– Я не отрывал, – чуть слышно пролепетал подсудимый.
– Говори громче! Я не слышу, что ты там себе бормочешь под нос! – заявил председатель военно-полевого суда.

– Я не отрывал, – чуть более громко заявил «расчлени-
тель».

– Как это не отрывал?! А это что, по-твоему?! – кивнул он
на игрушку с полуоторванной головой, лежащую на столе.

– Я не отрывал, – упрямо тянул свое подсудимый. – Я про-
сто хотел посмотреть, что у нее там внутри и отчего она ки-
вает головой.

– А-а-а, – так ты значит у нас исследователь?!

Рассей неуверенно кивнул головой. Тут послышался шо-
рох вставляемого в дверь ключа. Это пришла к судье под-
мога, в лице бабушки. Несказанно обрадованный таким обо-
ротом дела, профессор, держа за шкурку одного из бузоте-
ров, подошел к ученику, взял за шкурку другого и молча,
потачил на расправу, снимая с себя груз ответственности
за все дальнейшее. Господь взял со стола плюшевую игруш-
ку, при большой фантазии напоминающую пони. Голова дей-
ствительно была почти оторвана и болталась исключительно
на остатках шовного материала. Через пару минут профес-
сор вернулся и с порога огорошил:

– Господь, а ты почему до сих пор не женат?! Я в твои
годы уже нянчился с первенцем.

– Да я как-то еще не задумывался над этим. – Прорямлил
тот, не ожидая такой резкой смены тематики беседы.

– Зря. Об этом всегда надо думать, – усмехнулся Саваоф.

– Маменька, кажется, этим занимается. Мне не досуг, –
вяло отмахнулся он.

– И мне уже, к сожалению, не до них, – без тени усмешки сообщил старик и чтобы не развивать далее неловкую тему тут же продолжил. – Так на чем мы остановились?

– На фашизме, – пробормотал памятьливый ученик.

– Ах, ну да, ну да, – подтвердил тот, опять морщась, как от зубной боли и кивнув на несчастное животное с оторванной головой, произнес. – А ты не находишь аналогии между собой и моим любознательным внучком?

– Не вижу аналогии, – надулся Господь.

– А я вижу, – ухмыльнулся профессор. – Не разобравшись, как следует в причинах и механизмах, ты берешься скальпелем решить все проблемы, буквально копаясь в мозгу у несчастных троглодитов, не осознавая, что можешь просто оторвать им голову, по незнанию и неосторожности.

– Я много думал над этой проблемой, анализировал, сверял и перепроверял. Я же не прибежал к вам с только что родившейся идеей.

– Ты, мой дорогой, неудовлетворенный объективным ходом исторических процессов, решил изменить ход эволюционных процессов, путем пинка в зад, для придания им нужного направления и ускорения.

– Что-то я не пойму вас, учитель. Еще минуту назад вы говорили про скальпель, а теперь откуда-то взяли пинки в зад, – с явной обидой заявил ученик.

– Ну-ну, не обижайся, – похлопал старик его по плечу. – Не ты первый, не ты последний с революционными идеями

в голове. Просто я хочу тебя предостеречь.

– От чего?

– Вмешиваясь таким радикальным способом в чужую жизнь, ты лишаешь ее права на самостоятельное развитие, превращая ее персонажей в игрушку, подобную этой несчастной лошади. Даже если у тебя что-то и удастся, то ты обрекаешься на вечную заботу о тех, кого приручил таким образом. И к тому же это уже будет не их история, а твоя, навязанная им извне.

Рука профессора все еще лежала на плече ученика. Господь поднял на собеседника свои голубые и чистые как бирюза глаза, полные решимости:

– Во-первых, учитель, это будет не их история и не моя игрушка. Это будет наша история. Во-вторых, мы с вами знакомы уже немало лет, во всяком случае достаточно для того чтобы оценить мою решимость и ответственность. А в-третьих, учитель, не упрекайте меня за то, что в вопросе выбора между жизнью и смертью я выбрал жизнь.

Старик при последних словах ученика отдернул руку от его плеча, словно прикоснулся до раскаленной сковородки. Простые слова Господя, хлестнули старого профессора прямо по сердцу.

– Хорошо. Предположим, что все это так. Что ты намерен предпринять конкретно в этом направлении? – тихо и с какой-то обреченной грустью проговорил он.

Господь, чувствуя, что слегка «перегнул» в дискуссии

с преподавателем, с явным удовольствием стал развивать дальше, поднятую им тему.

– Для начала, учитель, выбираем планетарную систему, с уже существующей на основе углерода жизнью в высших ее формах, в прямой видимости от нас, для удобства канализирования двухсторонней связи. Естественно, когда я говорю о высших формах жизни, я ни в коей мере не подразумеваю под этим разумную жизнь. Для начала будет вполне достаточно хорошо развитых инстинктов у ее наиболее «продвинутых» обитателей. Полагаю, что с этим не возникнет никаких проблем. Несколько планетарных систем можно взять из каталога, а астрономы помогут выбрать оптимальную из них. Они же помогут сориентировать и сфокусировать энергоканал, направленный на нее.

Господь замолчал, давая передышку своим голосовым связкам и ожидая реакции профессора.

– А дальше? – кивнул тот.

– Дальше... Я тут как-то разговорился с приятелем, работающем на кафедре «Высшей нервной деятельности» Института Генной инженерии. Так вот, этот знакомый, зовут его Яхве, похвастался мне, что имея на руках образец ДНК исследуемого организма, без труда сможет синтезировать и вживить в эту цепочку полиморфный ген, заданной направленности и заложенными свойствами. Причем гарантировал, что он не будет отторгаться организмом реципиента, вследствие заложенной в него толерантностью.

В пылу полемики оба не заметили, как на пороге кухни появилась маленькая и такая же сухонькая как у хозяина квартиры, фигурка пожилой женщины.

– Здравствуй, Господь! – поздоровалась она.

– Здравствуйте, тетя Энэя! – поздоровался тот в ответ, вставая.

– Ты что же, старый скаред, – напустилась она на деда, – позвал гостя в дом, а сам только стакан ему и дал, да и то, как я вижу пустой?! Хоть бы чаю согрел!

– Да что вы, тетя Энэя!? Я ненадолго и сугубо по делам, – отнекиваясь, замахал Господь руками.

– А я предлагал. Он сам отказался, – начал было оправдываться Саваоф.

– Ладно-ладно, – примирительно сказала она, беря в руки чайник и ставя его на плиту. – Дайте, я хоть чайник поставлю, а то он совсем у вас холодный стоит.

– Ты мать иди. У нас тут мужской разговор. Для женщин вовсе неинтересный, – стал выпроваживать супругу с кухни профессор. – А за чайником я послежу сам.

Хмыкнув и еще раз с видимым неудовольствием окинув пустую столешницу, тетя Энэя вышла из кухни, закрывая за собой дверь.

– И какого же свойства ген ты собираешься внедрять? – возвращаясь к прерванному разговору, поинтересовался профессор с хитрым, свойственным только ему, прищуром.

– Я все продумал. Мы не станем перегружать внедряемый

ген излишней функциональностью. Он будет до примитива прост, неся в себе всего лишь одну функцию, – тут он сделал паузу и хитро прищурился, дожидаясь нетерпеливой реакции профессора, которая не замедлила наступить.

– Какую?!

– Он будет нести в себе функцию, регулирующую сомнение в совершенных поступках подопытного объекта. Иными словами, он будет отвечать за СОВЕСТЬ.

Эээ... – протянул профессор неопределенно.

– Я ведь когда изучал историю самоликвидации всех этих цивилизаций, меня все время не покидала одна и та же мысль: «Ну, где же у них совесть, в конце то концов?! Разве можно так угнетать, красть и обманывать?!» Ведь у них ни то, что совести, даже ни капли сомнения не было в пагубности своих проступков, особенно у власть предержащих. А следуя теории естественного отбора, именно такие и находились у власти. Впрочем, для вящей справедливости отметим, что и у простого обывателя она находилась в полудремотном состоянии.

– Ты полагаешь, что этого будет достаточно, для организации спасения подобных форм жизни?

– Нет, не достаточно. И тут есть еще один немаловажный аспект.

– Какой? – спросил Саваоф, наливая воды из чайника уже для себя.

– Внедрение полигена это только начальный и далеко

не главный, как оказалось, шаг в деле проведения спасательной операции.

– Ну-ну, – подбодрил профессор уже в нетерпении.

– Я отдаю дань официально принятой нашей наукой версии, о неспособности к эволюции углеродных соединений. При всем этом я выяснил, не без помощи знакомых с кафедры Органической химии, что при некоторых не слишком сложных воздействиях на эти соединения, они способны превратиться в подобные им соединения, но уже на основе другого элемента, также широко распространенного во Вселенной. И это элемент – КРЕМНИЙ!

– Подожди-подожди! Ты хочешь сказать, что можно эволюционировать на совершенно иных, доселе никем не рассматриваемых принципах?! И к тому же собираешься наделить испытуемых качествами, которыми не обладают даже многие из нас и ты в том числе?! Только не говори мне, что дело, задуманное тобой, ограничится внедрением всего лишь одного гена. Это ведь всего лишь начальный этап, не так ли?

– Да! Вот именно!

Теперь уже профессор вылебал стакан воды, держа его, слегка трясущейся рукой. Да и самого его начинало слегка потряхивать.

– Одним махом перескочить с одной эволюционной ветви на другую, – задумчиво проговорил Саваоф, все еще держа пустой стакан в руках. – Это действительно что-то новень-

кое.

– А я, вам, о чем и толкую, вот уже битый час! – хлопнул себя по коленке Господь.

– Тридцать пять.

– Что тридцать пять?

– Наш разговор с тобой длится тридцать пять минут, – уточнил профессор. Он был педант до мозга костей. Затем возвращаясь к теме разговора, продолжил:

– Ну-тес, и как же ты планируешь ставить эксперимент? Внедрение искусственного модификатора в малое количество испытуемых не принесет нужных результатов, априори. Тут нужно ставить эксперимент сразу в больших масштабах.

– Да я знаю, – несколько уныло произнес Господь. – Тут, как минимум, нужно будет обработать несколько сот особей. Но я ведь не сороконожка, у меня всего две руки, к сожалению. Попробую заинтересовать и привлечь в качестве добровольных помощников студентов.

– И еще один немаловажный момент...

– Какой?

– После внедрения этого гена, назовем его для краткости, С-ген, и удачного завершения первой стадии эволюции, если таковое конечно будет, куда ты планируешь переправлять особи для перестройки организма на кремниевую основу? Ведь на той планете, которую ты подберешь для проведения полигонных испытаний, оставить их будет нельзя. Из-за элементарной невозможности.

– Почему, учитель? Можно же ведь будет найти на планете какой-нибудь остров, там и поселить их.

– У тебя, что было в школе по химии? По неорганической химии, – уточнил Саваоф.

– Пятерка, – с недоумением ответил ученик, не зная куда клонит профессор.

– Жаль. Я бы поставил двойку. Жирная двойка, как утопшая лягушка, убитая твоим камнем.

– Это еще почему? – насупился Господь.

– А потому, – скорчив гримасу и подражая интонации ученика, заявил профессор. – Ты же сам сказал, что изучал подробную статистику по углеродной жизни. Следовательно, не мог не заметить, что она в девяносто процентов случаев распространена на кислородосодержащих планетах. Именно он является окислителем и катализатором всех жизненно важных процессов.

– Да-да, я уже понял, – перебил его Господь. – При окислении получается кремнезем, а это очень хрупкая структура. А что же делать?! К нам нельзя, наш нуклон радиоактивен...

– Нужна еще одна структура. Платформа в виде небесного тела, пригодного для жизни будущих пациентов. Нечто вроде перевалочной станции или эвакуопункта, – задумчиво почесывая подбородок с редкой старческой щетиной, произнес завкафедрой.

– Еще раз убеждаюсь, что правильно сделал, когда решил прийти к вам за советом, – подольстился Господь, потупив

хитрые глазки в пол.

– Не подлизывайся! – шутливо погрозил собеседнику пальцем Саваоф. – Сделаем так. Распределим обязанности.

Господь мигом наострил уши, не ожидая такого проявления энтузиазма от старого учителя. А тот, продолжал:

– Ты и те с кем сумеешь договориться и привлечь к сотрудничеству занимаетесь подыскиванием подходящей планеты с учетом возможности канализирования энергопотоков нужной частоты и объемов, разработкой С-гена, его сертификацией в плане безопасности, а также разработкой механизма преобразования углерода в кремний. Я в свою очередь организационные функции по выбиванию фондов на организацию Платформы и прикрываю вас до поры до времени от всевидящего ока контрольно-ревизионного управления.

– Спасибо, учитель. Честно скажу, что не ожидал от вас такого. Эта работа ляжет в основу моей будущей докторской диссертацией. Я уже приблизительно знаю ее тему и название. Нечто вроде «Эволюционных процессов направленного действия». Как-то так, в общем. И я непременно укажу вас как ее соавтора.

– Пустое! – отмахнулся старик, тем не менее, польщенный. – С возрастом я растерял большую часть тщеславия, да и твоя слава, боюсь, будет сомнительной. А вот..

– Что?! – подался вперед Господь

– Я уже стар, и мне давно пора было сойти с ума. Почему бы не сделать это сейчас?! – горько усмехнулся профес-

сор. – Кстати, когда члены ВАКа за волосы потащат тебя на костер публичного осмеяния и остракизма за явное еретичество, не забудь позвать меня с собой.

– Зачем, учитель? – удивился Господь, тщательно приглаживая топорщащиеся в разные стороны упрямые пряди волос.

– А затем, чтобы тебе там одному не слишком скучалось! – со вкусом ввернул тот.

Потом прищурился и, склонив голову набок, как иногда любил делать, произнес уже вполне серьезным тоном:

– Мне сейчас в голову ударила одна мыслишка, – помолчал, пожевывая губы, и продолжил. – Уж не хочешь ли ты стать богом у тех существ, которых собираешься вывести таким оригинальным способом?

– В общем-то, нет. А разве это плохо?

И увидев, удивленно вскинутые брови профессора поправился:

– Я имею в виду, что разве плохо участвовать в создании того, что должно быть гораздо лучше и светлее самого создателя?! А уж кем они там будут меня считать, так ли уж важно?

– Не знаю, не знаю, – покачал головой профессор.

Уже в прихожей, провожая неожиданного гостя. Профессор хлопнул себя по лбу сухонькой ладошкой:

– Кстати! Когда будете внедрять этот свой С-ген, то не вздумайте сделать его доминантным!

– Почему?

– Ну как же!?! Вы же не хотите, чтобы несчастные троглодиты умерли с голоду, проливая слезы над каждой убитой тушкой какого-нибудь зверя!

– Хорошо, мы обязательно учтем этот момент, профессор. Спасибо, – сказал он и аккуратно притворил за собой входную дверь.

Саваоф еще постоял какое-то время перед закрытой дверью, собираясь с мыслями, а затем прошептал, ни к кому не обращаясь:

– Он или сумасшедший, или гений. Хотя одно не исключает другого. В любом случае он еще не догадывается, какой груз пытается взвалить на себя...

На кухне засвистел забытый всеми чайник.

XV

Противно верещащий звонок комтора, словно катапульта подбросил Захарию с дивана кверху. Он и не заметил, как выйдя из кабинета, где медитировал почти до самого утра, уснул в гостиной на диване, даже не утруждая себя раздеванием. Пока соображал, где находится, пока искал глазами источник неприятных звуков, прошло еще несколько секунд. Комтор не унимался и продолжал настойчиво трезвонить. Наконец, найдя место, куда его вчера сам засунул на подзарядку, взял в руку и нажал на кнопку приема вызова. На маленьком цветном экранчике появилось лицо шефа.

– Привет отпускнику и кавалеру! – пророкотала красная от возбуждения физиономия шефа. – Ну, ты и дрыхнешь! Я уже третий раз звоню. Думал, что случилось, хотел, уже было, посылать к тебе спасотряд.

Захария скосил глаза на стену, где висели часы, но они стояли. Хозяина не было почти три десятка лет, поэтому их заводом никто не озаботился, даже бабка Лукерья не додумалась.

– А сколько времени?! – вместо положенного в таких случаях приветствия начальству поинтересовался он, забыв о часах на руке.

– Кири-куку! Царствуй лежа на боку! – не совсем к месту процитировал шеф Пушкина. – Уж полдень близится, а Гер-

мана все нет!

– Полночь, – поправил он начальника машинально, так как тоже любил русскую классику.

– Полдень! Выгляни в окно, засоня! – у архангела было явно приподнятое настроение.

Захария последовал совету и глянул в окно. Светило, которое местные жители ради удобства тоже называли Солнцем, стояло почти в зените. «Ого! Вот это я сыпанул!» – подумал про себя он, а вслух озабоченным голосом поинтересовался:

– Что случилось, товарищ генерал?!

– Что случилось, что случилось?! – с напускной ворчливостью в голосе передразнил его Гавриил. – Стоило один день побывать в отпуске, и уже потерял оперативную хватку! Ну и кадры у меня! Ты не слышал, что я назвал тебя «кавалером»? Или, как всегда, пропустил мимо ушей, что изволит сообщить начальство?!

– Эээ, – проблеял полковник сакраментальное междометие, издревле употребляемое незадачливыми подчиненными, когда им нечего было сказать что-либо более толковое.

– Вот тебе и «э»! – опять передразнил его генерал. – В общем, дело такое. Я тебе говорил вчера, что буду писать представление о награждении тебя орденом Ангельской Звезды и Тернового Венца с Косицами? Так вот, сразу после твоего ухода я написал представление и направил в канцелярию для передачи Самому через серафимов. Те, конечно, види-

мо покривились, но представление, судя по всему, забрали, раз уже ответ пришел. Я думал, что будет как всегда – месяц, а то и больше станет кочевать мое представление туда-сюда, с нашей-то бюрократией, а то и вовсе заныкают куда-нибудь. Ан, нет. Сегодня утром уже прислали положительную резолюцию, минуя канцелярию, прямо моей секретарше на стол. Сколько помню себя, никогда такого не было. Уже вечером состоится награждение, а так как такое событие, дело, сам понимаешь, неординарное, то и состоится оно не у нас, а в Межсекторальном Центре, в штаб-квартире ангельской службы.

– Ого! – чуть не присвистнул лауреат.

– Да-с! Награждение состоится вечером в 18.00 по времени нашего сектора. Форма парадная. Если крылья надо почистить, то еще успеешь сдать их в нашу ведомственную химчистку. И прежние награды не забудь надеть. После награждения состоится торжественный ужин, на который ты имеешь право пригласить одного из своих друзей, – при последней фразе Гавриил фривольно прищурился, и на его грубом лице появилась сардоническая улыбка.

– Хорошо, товарищ генерал, я все сделаю и постараюсь не подвести нашу контору! – бодро, как пописаному отчетканил он положенные в этом случае слова.

– Да, и еще вот что, – спохватился шеф. – Сейчас приводи себя в порядок. Сколько тебе нужно времени, чтобы избавиться от остаточных чар Морфея и насытить желудок, что-

бы на торжественном ужине не выглядеть «голодающей Самарой»?

– Примерно около часа, – ответил Захария слегка, задумавшись.

– Отлично! Через час жду тебя в кабинете. Зайдешь за напутствием. Явка за напутствием – строго обязательна.

– А вы разве не будете в штаб-квартире?

– Буду, конечно. Но там нам вряд ли удастся перекинуться хоть парой слов.

– Хорошо, шеф.

– Ладно. Давай, приводи себя в порядок, да смотри не опаздывай, – сказал шеф и моментально отключился.

«Если шеф специально оговаривает невозможность опоздания, значит, дело предвидится гораздо более серьезным, чем может показаться на первый взгляд. А значит опаздывать действительно не стоит» – подумал он. Захария положил комтор и побежал в ванную. Полежать в теплой воде и понежиться, опять не пришлось. Наскоро приняв душ и почистив зубы, направился на кухню, не забыв прихватить по дороге банковскую карту. Уже примерно зная как обращаться со «столом заказов», не стал заморачивать себе голову гастрономическими фантазиями, поэтому просто заказал тривиальную «глазунью» из трех яиц с жареной «любительской» колбасой, от вкуса которой уже отвык, три здоровенных ломтя еще горячего, видимо только что из печи хлеба и большого стакана либерики. Скромное пиршество обо-

шлось, судя по счету, в сумму чуть больше чем пол райала. Вымыв, по привычке, за собой посуду, начал собирать-ся. Он хорошо помнил, что в шкафу спальни была шелковая парадная тога, правда со знаками отличия подполковника, что явно не годилось для такого случая. С сожалением покачал головой, быстро зашнуровывая новенькие сандалии у колен. Взглянул на часы. До назначенной аудиенции у шефа оставалось полчаса. Опаздывать не следовало. Подполковничью тогу все-таки пришлось надеть. Цеплять награды, полученные в прошлом, вопреки рекомендациям генерала не стал, посчитав для себя неприличным выглядеть среди белого дня как новогодняя елка. Сунув банковскую карточку в одну из ее складок, выбежал на улицу. За углом, у телепортера, к счастью народа не было, поэтому очереди ждать не пришлось. Все-таки, пропустив вперед себя пожилого горожанина, задержался еще на десяток секунд, прежде чем сам оказался у гостеприимно распахнутых дверей громадного здания Ангелторга. Этот специализированный универмаг, где в основном продавались товары для находящихся на службе ангелов, хорош был уже тем, что никогда не закрывался на обед и работал до позднего вечера. Здесь можно было приобрести любое обмундирование и сопутствующие ему знаки отличия, средства спецсвязи и офисную технику, приспособления для чистки крыльев в домашних условиях, разные бутафорские типа нимбов, лир, копий и «карающих» мечей, на лицезрение которых так падки новенькие

из «обращенных» и прочие сувениры. Здесь также продавалась специальная историческая и тематическая литература, необходимая для повышения ангельской квалификации и многое другое, что необходимо в их повседневной жизни. На первом этаже покупателей было немного. Несколько курсантов Академии о чем-то яростно споря между собой выбирали учебные пособия. Еще несколько молодых райанок рассматривали полки с сувенирами. Отдел, где продавались, как он помнил ангельские знаки отличия, находился немного правее от входа, поэтому он сразу ринулся туда, где за стеклянной витриной прилавка стояла и о чем-то неспешно беседовала со старичком в капитанской тоге, дородная райанка, обмахивающаяся костяным веером. Сложная конструкция прически, на ее голове обильно утыканная шпильками и булавками делала ее похожей на карикатурное изображение японской гейши. Старичок видимо основательно ей поднадоел своими расспросами, поэтому она живо обратила свое внимание на импозантного подполковника, подходившего к ним спешащей походкой. Старичок, повернувшись на шаги приближающегося Захарии и разглядев подполковничью снаряду подошедшего, неумело козырнул. Одновременно с этим попытался выправить свою осанку и втянуть в себя кругленький животик. «Интендант» – подумал Захария, окинув того беглым взглядом и козыряя в ответ.

– Девушка, – обратился он к разулыбавшейся толстухе, протягивая свою банковскую карточку. – Мне, пожалуйста,

парадную полковничью пряжку общего назначения. И если можно, то побыстрее, а то я очень спешу.

– Конечно-конечно, – закивала она. – Вам с винтом или с защелкой?

– Без разницы.

– С винтом – долговечней, а с застежкой – немного дороже.

– На ваше усмотрение.

Продавщица кивнула и молча полезла пухлыми руками в чрево витрины, откуда достала массивную круглую пряжку размером чуть меньше мужской ладони средней величины, изготовленную из золота наивысшей пробы с изображением львиной головы в ее центре. Как он успел заметить, с обратной ее стороны виднелась застежка с проушинами. «Работники торговли везде одинаковы» – мысленно констатировал он жизненную аксиому. Приложила пряжку к фотоблинкстеру торгового терминала, считывая скрытый код товара, затем взяла из рук Захарии карточку и приложила ее туда же, списывая деньги за покупку.

– Двести тридцать два райала, – торжественно, будто на партсобрании произнесла она.

– Спасибо, девушка, – сказал он, взяв в одну руку покупку, а в другую карточку, начиная поворачиваться спиной к прилавку в намерении покинуть ее, но не тут-то было.

– Вы себе или в подарок?

– Нет.

– Вам завернуть или в коробочку положить?

– Н-е-е-т! – проскрежетал он.

– У вас есть купонная карта нашего магазина? – не унималась она, не зная, чем ей это грозит, так как не видела его глаз в это время. Старичок, все еще стоявший рядом, млел от счастья лицезрея происходящее.

– Вам оформить? – спросила кандидатка в камикадзе.

– Н-е-е-т! – уже не скрежеща, а рыча во весь голос, как лев, что был изображен на пряжке, проорал он. «Если она сейчас спросит, не нужен ли мне пакет, то я развернусь и убью ее, а там, хоть трава не расти» – подумал он, догадываясь, кем была она в прошлой жизни и как закончила свои земные дни. Боясь, что действительно может наговорить всяких гадостей, он пулей выскочил из зала, и едва не запинаясь в длинных полах тоги, побежал по лестнице вверх, где находился отдел по продаже ангельских мундиров. А вслед ему издевательски доносилось:

– Приходите еще! Будем рады!

Красный, как рак, он пушечным снарядом влетел на второй этаж. И там столкнулся, едва не сбив с ног, выходящего Левушку. Впрочем, нет, не выходящего, а скорее выползающего. Тот обеими руками бережно держал, прижимая к груди новенькие майорские крылья. Вид у Левушки был ужасный. Мотающийся в разные стороны, с потрескавшимися губами, бледно-зеленого цвета кожи, с нервно ходящим кадыком от постоянных глотательных движений, он скорее похо-

дил на Кентервильское привидение, а не на майора ангельской службы.

– Оба-на! Левушка! Ты что это тут делаешь? – воскликнул Захария, мигом начиная приходить в себя от недавней перепалки.

– Да, вот, мне приказали обновить крылышки, пока обед не кончился, а то мои поистрепались что-то, – голосом умирающего лебедя буквально простонал он, сдерживая рвотные позывы и благородно умалчивая об истинной причине, толкнувшей его на покупку обновки.

– Левушка! Что с тобой?! Кто приказал? Что за срочность? – воскликнул полковник, разом забыв, зачем сам сюда так спешил. – Ты посмотри на себя в зеркало! Краше в гроб кладут!

– А-а, – вяло отмахнулся он головой, при этом едва не падая.

Захария не зря дослужился до полковника. Его на мякине, как опытного воробья не проведешь и на козе не объедешь, поэтому он профессионально покрутил носом, словно заправский гаишник и шумно втянул в себя воздух, рэзюмируя:

– Никак спиритус вини?! – ахнул от неподдельного изумления он. – Левушка, ты же трезвенник! Где это ты так вчера набрался, дорогой?! А главное, с кем?!

– Да-а, было дело, – все так же вяло протянул он, явно не желая выдавать имя собутыльника.

– Вот уж от кого, от кого, а от тебя не ожидал. Ты же пить совсем не умеешь. Вон, до сих пор ноги в коленях дрожат, – указывая на чуть подрагивающие складки тоги, заметил полковник. – Домой иди! Не позорь контору!

– Не могу, мне приказали идти за крыльями, – голосом сомнамбулы поведал он.

– Да кто приказал?! Что ты городишь тут?!

– Слушай! – будто очнувшись от спячки, прошептал он потрескавшимися губами. – Ты мне как раз нужен. Я хотел с тобой еще ночью связаться...

– Ночью?! Ого, как припекло видеть тебя. Да я и сам хотел к тебе забежать. А что случилось-то?

– Поговорить надо. По нашему делу, – чуть слышно проговорил Левушка.

– Да?! Что-то интересное накопал?!

– Накопал. Ик, – икнул он и его чуть не вырвало на приятеля, вовремя отшатнувшегося. – Тсс! – туманно намекая на что-то, приложил он палец к губам, облизывая пересохшие и потрескавшиеся губы. – Когда сможешь зайти?

– Сейчас по-быстрому переоденусь в парадное, а то шеф уже ждет через двадцать минут, и как освобожусь, так сразу к тебе.

– Добро, – простонал майор и не прощаясь двинулся вниз по лестнице, осторожно переступая ногами.

Захария крутанулся на месте, ориентируясь среди вешалок на колесиках и манекенов одетых в тоги разного размера

и расцветки. Ринулся к скоплению продавщиц, крича на ходу:

– Девочки! Миленькие! Не до разговоров! Тогу! Парадную! Полковничью! Общего образца! И крылья! Срочно!

Молодые девчонки-продавщицы, разом вникая в сложность ситуации, разделились на две щебечущие стайки воробьев. Первая стайка шementом метнулась к одной из передвижных вешалок, на которой висели полковничьи тоги, попутно прикидывая на «глазок» габариты клиента, а вторая к такой же вешалке, но с крыльями. Пыхтя, выдвинули их из общего ряда.

– Вот это должна подойти, – сказала одна из бойких девиц. Снимая с вешалки и протягивая ему сверкающую белизной и шелковистостью с золотой оторочкой по краю тогу. – Кабинка для примерки вон там.

Он сунул ей карточку в руки и кинулся по указанному направлению. Заскочив в кабинку, одним рывком сорвал с себя старую, и, держа золотую пряжку в зубах, стал лихорадочно переоблачаться. Уже через тридцать секунд, сверкая горной белизной снегов и золотом Солнца на пряжке, выходил из кабинки. Несмотря на спешку, с удовольствием отметил восхищенные взоры молодок. Тут же подъехала и порция крыльев. Он не долго думая, выбрал светло-серые, со стальным отливом на концах. Решительно снял с вешалки.

– Девчонки, помогите старику пристегнуть амуницию! – весело гаркнул он, понимая, что уже никуда не опаздывает.

– Нам бы всем таких старичков! – со смехом накинулись они на него, помогая разобраться с застежками.

– Будут-будут, это я вам обещаю! – так же смеясь, сказал Захария, послушно поворачиваясь в умелых женских ручках.

Когда процедура одевания закончилась, он подошел к кассе, где кассирша, наведя на него раструб сканера, сообщила:

– Сто семьдесят четыре райала.

Он кивнул, и она провела карточкой вдоль черной матовой пластинки торгового терминала. Засовывая карточку в складки тоги, и явно боясь, что и тут его начнут донимать ненужными предложениями, заторопился к лестнице, крикнув напоследок:

– С меня всем по шоколадке!

– Мы запомним! – весело хором ответили ему, когда он уже резво скатывался вниз, подобрав повыше подол.

Так, в полной парадной форме, с развевающимися за плечами как флаги на ветру метровыми крыльями он выскочил из здания универмага и во всю прыть понесся к ближайшему телепорту. Ангелы практически никогда не выходили в Город в своем «обмундировании», так как считалось дурным тоном всяческое выпячивание своей принадлежности к службе занимающейся спасением Миров. Говорят, что в мирное время вид бегущего генерала вызывает смех, а в военное – страх. Райанцы от рождения были очень воспитанными, а воевать им было не с кем. Поэтому вид сломя голову

бегущего ангела, причем, судя по экипировки в немалых чинах, вызывал у всех встречных прохожих вполне понятную оторопь. Эта оторопь решительно сыграла ему на руку, так как небольшая очередь у телепорта, завидев бегущего полковника, разом, расступилась, пропуская его вперед.

– Спасибо, друзья! – крикнул он, помахав рукой на прощание, немногочисленным очевидцам этого зрелища, исчезая в круге телепорта.

Уже через минуту он стоял возле двери приемной Начальника Ангельской Службы Шестого Сектора генерал-лейтенанта Архангела Гавриила. Обед еще не кончился, а значит, до означенного срока аудиенции оставалась еще пара минут – ровно столько, чтобы перевести дыхание и уравновесить внутричерепное давление с пульсом. Открыв туговатую дверь, вошел в приемную. Вопреки ожиданиям увидеть пустую приемную, Захария не без некоторого удивления обнаружил наличие все той же молоденькой секретарши сидевшей на своем рабочем месте. В руках она держала остатки бутерброда, а на столе перед ней стояла большая чашка с еще неостывшим кофе. Видимо она только что откусила от бутерброда приличный кусок, поэтому щечки ее раздулись, делая ее похожей на симпатичного хомячка. При виде его, такого импозантного, да еще в парадной форме, глазки секретарши распахнулись в немом восхищении, а щечки покраснели от смущения. Понаблюдав, улыбаясь за тем, как она делает судорожные глотательные движения в надежде поско-

рее проглотить слишком большой кусман, он не нашел ничего лучшего, чем сказать, положенную в таких случаях банальность:

– Неправильно ты дядя Ирий бутерброд ешь, его колбасой на язык надо класть...

Сделав над собой последнее усилие, она, наконец, проглотила так не вовремя откусанный ломоть и, пропустив мимо ушей явный «баян» уже смогла улыбнуться ему не только глазами и уже на выдохе, чуть придушенным голосом ответила невпопад:

– Ой, товарищ полковник, а я и не думала, что вы вспомните мое имя!

– Как же я мог вас забыть, ведь я обещал! – бархатно-медовым голосом проговорил он.

От этих его донжуановских интонаций ее щеки в мгновение приобрели пунцовый цвет, а брызнувшее из глаз обожание, забрызгало его с ног до головы, образуя небольшую лужицу. Он знал, что обладает таким даром очарования, к тому же более чем трех тысяча летний опыт общения с людьми давал о себе знать. Правда следует отметить, что к подобным методам использования своего шарма он прибегал лишь в крайних случаях.

– Ох! – только и смогла выдохнуть она, прижмурившись на мгновение от удовольствия.

– А вы почему тут обедаете, а не в столовой? – поинтересовался он между прочим.

– Да, – неопределенно махнула рукой Ирия. – Столовая далеко, а пока в очереди на внутренний телепорт отстоишь, да еще в столовке на раздаче пока очередь дойдет, так и обед закончится.

– Всухомятку есть – желудок себе испортите.

– А я с кофе, – кивнула она на чашку с робустой.

– Шеф-то у себя? – спросил он кося глазами на дверь кабинета.

– Шеф всегда у себя! – услышал он за спиной баритон Гавриила, вошедшего в приемную. – Проходи, давай! Молодец, что вовремя.

С этими словами он открыл дверь в свой кабинет и сделал Захарии приглашающий жест. Захария не чинясь, вошел в кабинет первым. Шеф вошел следом, дав указания секретарше:

– Я занят. Ко мне пока никого не пускать.

Пройдя в кабинет вслед за полковником, указал тому на, то же самое, золоченое креслице, что уже принимало в себя Захарию вчера утром. Сам не стал садиться напротив, предпочтя на этот раз свое начальственное место. «Эге, – подумал гость, – разговор, стало быть, ожидается официальным». Умастив кое-как по бокам от кресел свои крылья, стороны помолчали. Взгляд у шефа был каким-то замученным и затравленным, как у загнанного, в кольцо красных флажков, матерого волчары. « Не знает с чего начать...» – пожалев шефа, решил Захария. Тот еще раз обзрев ладно скроен-

ную фигуру подчиненного, откашлявшись в сторону, перешел с места в карьер:

– А ты что же, милоч, без наград? Я ж велел быть при полном параде, – вполне буднично и миролюбиво начал он.

– Во-первых, одевать было некогда. Во-вторых, у меня их слишком много, не хотелось быть похожим на рождественскую елку. А в-третьих, решил не ставить в неловкое положение представителей комитета по наградам...

Гавриил вопросительно вскинул бровь.

– Если я их все надену, то куда они Ангельскую Звезду цеплять станут? Она ведь тоже немалых размеров, – охотно пояснил он немой вопрос шефа.

– Согласно Уставу и статуту о награждениях, на сей счет имеются орденские планки! – рыкнул шеф.

– Имеются, – кивнул Захария и взглянул почти дерзко Гавриилу прямо в глаза. – А только ведь я из тех, кто читает книги полностью, а не их демо-версии.

– Опять умничаешь? – не стал ввязываться в перепалку начальник, чем немало удивил своего подчиненного. – Впрочем, поступай, как знаешь, чай не младенец уже. Собственно говоря, я позвал тебя вот зачем...

Как бы собираясь с мыслями он взял со стола карандаш и начал вертеть его и так и эдак в своих длинных узловатых пальцах, что выдавало в нем крайнюю степень озабоченности и растерянности. Захария не стал помогать ему наводящими на конкретику вопросами, а просто молча

смотрел на неловкие телодвижения шефа. Наконец, видимо устав от всех этих недомолвок и неопределенностей, Гавриил все же решил продолжить тяжелый для него разговор:

– Послушай Захария, мы ведь с тобой тут считай с самого начала. Почти две тысячи лет. Съели. Понимаешь, не один пуд соли. И ты знаешь, как я всегда по-отечески к тебе относился.

Дождавшись утвердительного кивка со стороны искренне недоумевающего подчиненного, продолжил:

– Бывало, что и распекал за всякое, не без этого, конечно. Но в чинах и наградах не ужимал, верно ведь?

– Товарищ генерал, – перебил его Захария. – Вы все правильно говорите, и про чины с наградами, и про отношение ваше ко мне. Но я никак не пойму, куда вы клоните? У меня такое ощущение, что вы затаили на меня какую-то обиду... Я прав?

Гавриил вперил свой взгляд в столешницу, продолжая нервно теревить карандаш.

– И да, и нет, каким-то бесцветным голосом отозвался шеф. – Я просто хочу понять, о чем ты думаешь, и что тобой при этом движет?

– Товарищ генерал, – уже начиная невольно раздражаться от этих увиливаний шефа. – Скажите честно и напрямую, где и в чем я вас обидел? И я в свою очередь попытаюсь развеять ваши сомнения на мой счет!

– Видишь ли, Захария, – тихо проговорил он, уже глядя

в окно, по-прежнему избегая смотреть в сторону собеседника. – Я тут недавно получил сведения, из источников внушающих определенное доверие, что ты метишь на мое место. Я сам, как ты знаешь, никогда не скрывал ни от кого, что числю тебя в число своих преемников, но как-то не думал, что это все может обернуться таким вот образом.

– Ага! – совсем не по-уставному воскликнул Захария. – И что же это за источники такие у нас появились, если не секрет?!

– Пока секрет, но поверь мне, что они весьма авторитетны.

– Шеф, – обратился он к Гавриилу, совсем уже пренебрегая Уставом. – Я вас знаю так же хорошо, как и вы меня. Вы не станете прислушиваться даже к очень авторитетному мнению, если оно не подкреплено еще чем-то, не так ли?! Сведения, какого характера подтолкнули вас на эту мысль?

– Я уже говорил. Меня очень смутила та невероятная скорость, с которой было рассмотрено мое представление о вашем награждении. Все указывает на то, что без «мохнатой» лапы здесь не обошлось.

– О чем вы говорите товарищ генерал?! Какой лапы? Откуда ей взяться-то, если я не вылезая из командировок?! На том иерархическом уровне, на котором находимся мы с вами, для нас есть только одна лапа. И вы прекрасно осведомлены о ней! – при этих словах, Захария кивнул в сторону пустой портретной рамы висящей над головой шефа.

– Но ведь сведения, полученные мной, тоже ведь на чем-то базируются, – попробовал возразить Гавриил.

– Я не знаю на чем они там базируются, но давайте разберем ситуацию конкретно и на пальцах.

– Не возражаю. Давай, – кивнул шеф и перебрался из своего начальственного кресла в стоящее напротив.

– Хорошо. Только прошу без особой нужды не перебивать меня.

– Договорились, – вновь согласился начальник.

– Начну с того же, что и вы. За две тысячи лет, что я нахожусь в вашем непосредственном подчинении, я ни разу не был отмечен какими-то служебными взысканиями и совершенно замечен в каких-либо корпоративных интригах. У меня не было для этого ни желания, ни времени. Излишним честолюбием я также не страдал, принимая спокойно и откровенно не сулящие ничего хорошего командировки и награды за них. Вы согласны со мной?

– Да. Не спорю. Претензий никогда не высказывал. И по углам не шушукался, – согласился генерал.

– Спасибо. Продолжаю с вашего позволения. Звание полковника заслужил не на паркете, а в «поле». И звание это получил в автоматическом режиме, в соответствии с Уставом – совершив девяносто девять «выходов» без единого провала. Мое представление о присвоении очередного звания, совершенное вами является абсолютно формальным и без моего участия, вы согласны со мной?

– Да. И тут с тобой не поспоришь. Звания свои ты не вымолил и не высидел.

– Хорошо, кивнул Захария. – А теперь напомните мне, пожалуйста, в соответствие с так любимым вами Уставом, чтобы занять кресло начальника ангельской службы сектора каким критериям должен соответствовать соискатель этой должности?

– Звание не ниже генеральского, опыт руководителя каким-либо из структурных подразделений службы не менее пятидесяти лет, – невольно начиная прояснять лицом, перечислял Гавриил, а затем, словно спохватившись, добавил, опять темнея ликом. – За исключением чрезвычайных обстоятельств, требующих срочного изменения кадрового персонала.

– А вы можете припомнить и перечислить подобные форс-мажорные обстоятельства?

– Н-нет, пожалуй, – с запинкой проговорил шеф. – Не припоминаю такого, да и представить затрудняюсь. На моей памяти. По крайней мере, такого никогда не случилось нигде.

– И я не серафим, чтобы управлять случаем, – развел руками Захария.

Шеф невольно вздрогнул при упоминании серафима, но Захария и бровью не повел, делая вид, что ничего не приметил.

– Теперь, что касается последнего награждения, – продол-

жил полковник. – Исходя из положений, все того же Устава и статута Ордена Большая Ангельская Звезда с Терновым Венцом Мечами и Косицами им награждаются «полевые» агенты, совершившие девяносто девять абсолютно удачных командировок по внедрению, либо лица особо отличившиеся перед Господом. Причем, с Его предварительного согласия. Верно, цитирую?

– Ближе к тексту, – усмехнулся архангел. – Я и сам в свое время был награжден этим орденом. За особые, так сказать, заслуги.

– Знаю. Так вот. Инициатива принятия решения о представлении моей скромной персоны исходила, насколько помню, от вас, и повлиять на вас в этом плане я никак не мог, ибо находился в реабилитационной камере в это время, как минимум. И к тому же, девяносто девять выходов я все-таки действительно совершил, причем, насколько я понимаю, все они были успешными. Следовательно, и здесь с моей стороны, не наблюдается, какая бы то ни была злокозненность.

– Так-то оно конечно так. Ты убедил меня, что ни в коей мере не причастен к этому делу, но дело, видишь ли, в чем? – тут шеф опять замялся.

– В чем?! – воскликнул Захария, ловя себя на непреодолимом желании дать шефу хорошего волшебного пенделя под зад, для придания ускорения его мыслеизвержениям.

– Дело в том, сынок, что я не поленился оторвать свою пятую точку от кресла и не доверяя селекторному общению,

только что вернулся из канцелярии...

– И?! – не удержался от возгласа полковник.

– И мне сообщили, что мое вчерашнее представление о твоём награждении все еще находится у них, так как сержанты вчера не забирали почту, предназначенную Ему для рассмотрения.

В кабинетике повисла липкая и от того неприятная тишина, нарушаемая только тиканьем больших напольных часов, стоявших в углу. Так продолжалось около минуты, потом они, не сговариваясь, повернули свои головы к пустой раме. Обоим почему-то показалось, что рама улыбалась и корчила им рожицы.

– Шеф, поверьте, – начал было Захария, все еще не отрываясь взглядом от рамы.

– Да, верю-верю, – отмахнулся рукой шеф. – Но и ты согласишься, что дело-то более чем странное.

– Да. Тут я с вами, совершенно согласен, – подхватил он.

– Вот и я о том же. Подумай, вспомни, может у тебя были, какие-нибудь странные происшествия за прошедшие сутки. Пусть даже незначительные.

Захария задумался. Для усиления мозговой деятельности даже попытался свести глаза в кучу, но голова закружилась, и от этой затеи пришлось отказаться.

– Вроде ничего такого особенного не наблюдалось... Ну разве что...

И тут он во всех подробностях описал поход в опера-

торскую службы наблюдения и контроля, где стал участником такого необъяснимого явления как первая межпланетная связь на ментальном уровне. Рассказывал подробно, сопровождая свое повествование бурной жестикуляцией, передавая в лицах диалог с Вершининым. Шеф внимательно слушал его, всем телом подавшись вперед, и казалось порой, что даже и не дышал, боясь упустить какую-нибудь важную деталь рассказа. А когда Захария, в конце рассказа упомянул, что направляясь сегодня к начальству, встретил Левушку в довольно странном для него виде и настаивавшем на встрече для прояснения неких важных обстоятельств, то шеф зачастил в несвойственной для него манере:

– Да-да, непременно-непременно, обязательно зайди к нему. И чем скорее, тем лучше. Чую, что здесь кроется какая-то загадка. И обязательно, слышишь, обязательно держи меня в курсе. Хотя, что я говорю? Вечером на церемонии увидимся, может и удастся перекинуться парой слов.

Они поговорили еще минут пять о предстоящей церемонии, после чего, уже вполне дружно расстались, вполне довольные выясненными отношениями.

Выйдя из кабинета шефа, Захария хотел тотчас посетить с визитом Вершинина и решительным шагом направился к выходу из приемной, но вдруг неожиданно остановился. Мысль, внезапно пришедшая ему в голову, так понравилась, что Захария круто развернулся и подошел к столу, за которым сидела Ирия. Несмотря на то, что она занималась сорти-

ровкой бумаг, лежащих на столе перед ней, девушка то и дела бросала короткие взгляды на бравого полковника. Когда же он подошел к столу вплотную и остановился, то девушка перестала изображать из себя чрезвычайно занятого работника и уставилась на него круглыми как совенка глазками. Откашлявшись в кулак, чтобы вновь придать голосу бархатистые интонации, Захария начал свою партию:

– Ирия, дорогая, – сказал он и запнулся.

Запнулся от того, что при слове «дорогая» он тут же отметил, как ее тельце буквально встрепенулось, словно бабочка сложила на миг и вновь распахнула свои невесомые крылышки.

– Ирия, дорогая, – вновь повторил он опять отмечая тот же эффект от произнесенных слов. – Вы же ведь ангел! Не по службе, а по самой сути. Я же это вижу.

– Не знаю. – растерялась девушка от неожиданности.

– А я знаю, – мягко подкрался он, делая при этом печально-просительные глаза Кота в Сапогах из «Шрека». – И как всякий ангел, вы просто обязаны, оказывать посильную помощь окружающим.

– Да. Наверное, – в еще большей растерянности согласилась она.

– Умоляю вас, спасите меня! – почти трагически заламывая руки, провыл он.

– Кто вас обидел?! Шеф?! – с испугом в голосе спросила она.

– Шеф?! Ну что вы?! Он у нас и мухи не обидит!

– А от кого тогда спасать? – немного приободрилась она от мысли, что не надо будет вступать в конфликт с начальством.

– Почему сразу от кого?! – удивился Захария, поняв, что и так уже слегка перебрал с драматургией провинциального театра, поэтому перешел на более деловой тон. – Ни от кого, а в чем. Видите ли, Ирия, сегодня вечером намечается некое небольшое мероприятие в межсекторальной штаб-квартире, на которое я получил официальное приглашение...

– Да-да, – перебила она его, улыбаясь. – Я в курсе. Лично принимала гравиграмму оттуда. Вас будут награждать орденом. Кстати, я вас поздравляю!

– Спасибо, Ирия! – ответил он, отмечая про себя, что ему все больше и больше нравится произносить ее имя. – Так вот, в приглашении, если вы помните, сказано, что я могу взять с собой на мероприятие кого-то еще одного по личному усмотрению.

– И вы... – начала, было, она.

– Да! – подхватил он с жаром. – И я очень прошу вас, если конечно это не составит вам труда и не отвлечет от чего-то, более важного, составить мне компанию.

– Но почему я? – опять растерялась она, заливаясь краской смущения. – Я думаю, что многие хотели бы оказаться на моем месте.

– Знаете, что, Ирия, – уже без театрального пафоса про-

говорил он. – Как-то так сложилось, что за почти три тысячи лет, пока я не вылезал из командировок, у меня совсем не оказалось друзей. Приятелей, знакомых, сослуживцев, соседей полно, а вот с друзьями дело не сложилось. Я вот вчера вернулся домой из последней командировки, а встретить-то меня и некому было, хотя многие, я уверен, знали, что это моя последняя отлучка. Ни письма в почтовом ящике, ни смс-ки. И так, понимаете, муторно на душе стало, что и словами не передашь.

– Да. Я вас хорошо понимаю, – кивнула она задумчиво.

– А тут вы вчера... И ваша улыбка... Единственная такая искренняя улыбка за весь день, что мне показалось, будто вы единственная кто по настоящему рад моему возвращению, хоть я и не знаком был с вами.

– Да, – опять согласилась она. – Это очень плохо, когда тебя не встречают и хоть изредка не улыбаются. Я тоже пережила нечто подобное в свое время. Конечно, мои переживания – ничто, по сравнению с вашими переживаниями, но они были и оставили след в моей памяти.

– Вот я и подумал обратиться к вам. Это раньше, можно было отсутствовать по пятьдесят лет и вернувшись застать то же самое, что было до командировки. А сейчас, прошло всего почти тридцать лет, а я себя чувствую как слепой в незнакомом ему месте. Мир так стремительно меняется вокруг нас, что мне без вашего кураторства никак не обойтись.

– И в качестве кого вы меня приглашаете на это торже-

ство? – с легким испугом поинтересовалась она.

– В качестве ангела-хранителя, конечно.

– Ну, я еще могу понять, что в быту вам необходима помощь, пока вы не привыкнете к новой обстановке, но там – в штаб-квартире, что вам может угрожать? – с лукавинкой в голосе спросила девушка.

– Скажу вам по секрету, даже полковники нуждаются в охране. А уж тем более такие одинокие как я. Мы, я имею в виду, прежде всего себя любимого, являемся самой уязвимой частью общества, – почти серьезным голосом сообщил Захария, чуть понизив голос. – Не верите? Спросите у шефа.

Тут как по заказу открылась дверь из кабинета, и на пороге приемной появился Гавриил:

– Ты почему все еще здесь? – обратился он к Захарии. – Я куда тебе велел идти не мешкая?!

– Да, вот, – открыл рот полковник, но генерал не дал сказать.

– Не успел вернуться, как следует, а уже охмуряет нашу любимую секретаршу?! – воскликнул он и приоткрыв сильней дверь в свой кабинет и крикнул в его пустое пространство. – Остап Ибрагимович, там ксендзы нашего Козлевича охмуряют!

– Какую-какую секретаршу?! – принимая игру шефа, нарочито оттопырив рукой ухо, спросил Захария.

– Нашу! Любимую! – притворно набылчился шеф.

– А Олимпиада Дормитонтовна в курсе, что она наша

и любимая? – настырничал тот, кого назвали ксендзом.

– Что?! – громыхнул генерал. – Имеет место грубый шантаж со стороны внеземного противника?!

Ирия, красная, как свежесваренный рак, недоуменно переводила взгляд с одного актера разговорного жанра на другого и решительно ничего не понимала из их малопонятного диалога. Нужно было проработать с шефом, бок о бок, не одно столетие, для того чтобы привыкнуть к его манере общения. Наконец «театр у микрофона» закончился, и Гавриил перешел к кинофильмам, спросив с интонацией хулиганистого подростка:

– А что это вы тут делаете?

– В картишки дуемся, – опять подхватил Захария, но решил дальше не продолжать испытывать на прочность нервную систему девчонки, закончил. – Вот, предлагаю Ирии быть моим ангелом-хранителем на вечернем мероприятии.

– А она что ответила?

– Пока не знаю. Не успела сказать.

Гавриил повернулся всем телом к уже начинающей оправляться от пережитого стресса девушке, и страшно вращая в разные стороны выпученными глазами, скомандовал:

– Младший лейтенант Литвинова!

Девушка, заученно вскочила с места и вытянулась по стойке смирно, прищелкнув под столом туфлями.

– Приказываю немедленно принять вышеназванный объект под личную охрану! – начальственным тоном повелел

он, а затем, оглядев «объект» сверху до низу, добавил пояснительно, как бы самому себе. – Со следующими характеристиками: качества среднего, не бывшего в употреблении, пробега немалого, в капремонте не нуждающегося, не битого не крашеного, без опознавательных знаков и инвентарных номеров.

– А че сразу среднего качества-то?! – уныло прогнусавил «объект».

– Объект, помолчите! – сурово оборвал его шеф, и уже обращаясь к вновь начинающей наливать краской девушке, произнес. – К охране приступить после окончания рабочего времени.

– Есть приступить! – все еще алая маковым цветом, вскинула руку к виску.

Однако шеф не унимался, и напоследок решил выжать максимум из этого эпизода, вконец добивая Ирию своим солдафонским юмором:

– Инвентарный номер проставите сами после апробации и взаимного обмена поршневыми кольцами в соответствии с правилами органов записи гражданского состояния.

Захария затаил дыхание, не решаясь в это время поднимать на нее глаз, так как даже кожей ощущал идущий от девушки жар смущения и немого негодования.

– А ты тут не задерживайся надолго, у тебя еще важная встреча предстоит сейчас, – уже совершенно серьезно обратился генерал к нему и ушел в кабинет, прикрывая за собой

дверь.

Когда дверь за начальником закрылась, Захария позволил себе немного глотнуть свежего воздуха. Вдох был каким-то неубедительным и больше походил на всхлип младенца. Девушка по-прежнему стояла столбом, лишь слегка ослабив осанку. Уже проклиная в душе все на свете, а паче того шефа с его шутками ниже пояса, Захария прервал неловкое молчание:

– Вы уж простите его. Он у нас такой. Не понимает разницы между мужчинами и женщинами. Солдафон одним словом.

– Да нет, – возразила она, очнувшись от пережитого и усаживаясь на свой стул. – По-моему, он то, как раз все хорошо понимает. Во всяком случае, больше чем некоторые.

Захария из чувства самосохранения не стал развивать дальше эту опасную для него тему. Однако и уйти не мог, не получив ответа на свое предложение, а потому робко спросил:

– Так как насчет того, чтобы помочь мне?

– Ааа... Вы про это?! Да. Согласна. Только я забыла, во сколько там начинается?

– В шесть вечера, – готовно подсказал он ей.

– Вот и хорошо. Мы работаем до пяти, так что у меня еще будет время, чтобы заскочить домой и переодеться.

– Давайте я зайду за вами сюда к пяти часам? – предложил он.

– Зачем? – удивилась она. – Чтобы потом целый час мотаться у меня под окнами в ожидании, когда я закончу с переодеванием? Нет. Лучше давайте встретимся прямо там без пяти минут шесть. У «пеликана». Знаете где это?

Он кивнул. Скульптура пеликана стояла слева от центрального входа в штаб-квартиру и служила неофициальным его символом.

– А сейчас идите, у вас, кажется, намечена еще важная встреча, – деловито и как-то по-хозяйски распорядилась она. – Да и у меня еще тут дела есть.

– Спасибо, Ирия! – он нагнулся корпусом вперед через стол, намереваясь поцеловать ей руку, но она предостерегающе погрозила ему пальчиком. От этого он еще больше смутился, и неловко повернувшись, побрел к выходу из приемной. И уже подходя к двери, в спину услышал:

– Не бойтесь. Я обязательно приду, – и, замешкавшись на секунду, добавила чуть слышно. – Принимать вас по акту.

Захария резко дернулся и моментально обернулся. Она не смотрела на него, уткнувшись в свои бумаги, но он разглядел улыбку на ее лице.

– Верю, – так же еле слышно проговорил он в свою очередь, закрывая тугую дверь за собой.

Левушку он застал на его рабочем месте. Он сидел, вернее почти лежал, навалившись всем туловищем на столешницу, в своей стеклянной выгородке, уныло обхватывая голову руками. Там же, на столе стоял пустой граненый стакан

с каплями влаги на стенках. Захария понюхал стакан. Ничем не пахло. Стало быть этот придурок, мучимый жаждой, не нашел ничего лучшего, чем нахлебаться простой воды, от которой его еще больше развезло. При виде столь удручающего зрелища Захарии только и оставалось, что сожалееющее поцокать языком.

– Что ты вчера пил, чешуекрылый?! – строгим, но с ноткой братского сочувствия голосом спросил полковник.

– Фалернское, – простонала жертва «зеленого» змия.

– Ого! – воскликнул Захария, перебирая варианты возможных собутыльников майора. – Фалернское?! Это тебе брат не «три топора», такое, где попало, к столу не подают. Бубликович?

– Он самый, – не задумываясь «слил» на этот раз со всеми потрохами своего шефа Левушка, кивая и одновременно постанывая.

– Тоже мне, нашел с кем тягаться?! Да он таких сопляков как ты, дюжину перепьет. Чтобы его свалить с ног, нужен, как минимум, эскадрон изюмских гусар.

– Весь вечер небось квасили, до самой ночи? – с тенью зависти спросил Захария.

– Не-е, – совсем уж плаксивым голосом ответил Вершинин. – До утра...

– Ого! – уже начал было он удивляться мужеству незакаленного организма майора. – Как же это вас угораздило.

– Сначала мы пили у него, потом он пошел меня про-

вожать, потом я его, потом... непомню, а потом мы нашли круглосуточный ларек...

– А потом? – с ехидством спросил полковник.

– А потом мы пришли ко мне домой, а он и говорит: «Я подремлю у тебя, а ты срочно иди в магазин за новыми крыльями, потому как честь конторы не терпит своего умаления». Завернулся в ковер и уснул, а я пошел.

В общем и целом картина была ясна. Старому ангелу было скучно в усадьбе сажать петрушку, поэтому он ухватился за первую попавшуюся возможность поразвлечься, устроив соревнования подобного рода. Молодой, а потому глупый ангел, решил во всем не отставать от своего шефа. Итогом соревнований стало алкогольное отравление новоиспеченного адепта храма Зеленого Змия.

– Пальцы в рот совал? – деловитым тоном поинтересовался он у Левушки

– Совал.

– Ну и?! – нетерпеливо спросил Захария.

– Уже весь пустой.

– Чем лечишься?

– Ничем. Я слышал, что рассол надо попить огуречный, да нету его, – печально констатировал врио начальника отдела.

– Балда! Рассол – это после водки. В аптечке есть что-нибудь?

– Н-нет, ничего нет, кроме «зеленки».

– Ага! К твоей и без того зеленой роже только еще ее

не хватало. Ладно, сиди, я сейчас.

Захария вышел из закутка и прошел в середину обширного зала. Там, слегка откашлявшись, громко заговорил, так, чтобы его слышали в самых дальних уголках операторской.

– Попрошу минутку внимания, товарищи! – произнес он и сделал паузу, чтобы убедиться, что стал объектом всеобщего внимания. Убедившись, что его персоной заинтересовались, продолжил, насупив брови и потрясая в воздухе кулаком:

– Все присутствующие здесь были отвратительными людьми на Земле, родились от скверных людей, стали негодными ангелами и потомство оставят такое же никчемное!

Общее «благородное» собрание будто окатило ведром холодной воды. Все застыли в немой растерянности гоголевского «ревизора». Еще никто и никогда не разговаривал с ними в таком обличительном и уничижительном тоне. А Захария тем временем продолжал свою пламенную речь, приговоренного к повешенью «народовольца»:

– Про толстокожих носорогов, близоруко уставившихся в тубусы ПВ-сканеров и по нелепой случайности, называющих себя мужчинами, я молчу. Они, как говорится безнадежны и неоперабельны. Но вы, я обращаюсь к потомкам, имеющим происхождение от брака самки шимпанзе с ехидной, которые взяли на себя смелость называться женщинами, неужели вы в конец потеряли остатки, так и не приобретенной в «комиссионке» совести?! Вы же все видели, в ка-

ком состоянии пребывает ваше руководство, положившее остатки своего здоровья на алтарь борьбы с разгильдяйством и бездорожьем! Ему может жить-то осталось – всего ничего, до первого чиха! Почему никто из вас не оказал ему первую медицинскую помощь?! Искусственное дыхание рот в рот, например или массаж предстательной железы?!

Только он успел закончить свой неоднозначный по смыслу спич, как все повскакали со своих мест с душераздирающими криками:

– Ах! Ой! Что случилось?! Где?! Как?! Что с ним?! Скорую, скорую вызывайте! – редела толпа, со всех сторон обступая оратора. Кажется, что они даже не вникли в смысл его слов, иначе бы это закончилось для Захарии приличной трепкой.

– Не волнуйтесь граждане Севериновки! – сделал он успокаивающий жест руками. – Первую необходимую помощь я уже ему оказал. Появилась слабая надежда на то, что он выживет. Но расслабляться рано, от вас тоже требуются некоторые усилия в этом направлении.

– Говорите! Что делать?! Куда нести?! Чего нести?! Воздуха, побольше воздуха! Откройте окна! Лекарства! Где! Какое?! – зашелся в экстазе персонал отдела.

– Тише граждане! Успокойтесь! Мы делаем все что можем. Дежурная бригада реаниматологов борется изо всех сил за его жизнь! Но нужны дополнительные медикаменты. Если у кого-то есть с собой цитрамон или на худой конец аспирин,

то попрошу поделиться в срочном порядке!

После этой просьбы мужчины остались неловко и виновато стоять на месте, так как никогда не носили с собой никаких лекарств, а женщины все поголовно кинулись рыться в своих дамских сумочках, судорожно шаря в поисках нужного снадобья. Хотя нет. Не все и уж тем более не судорожно. Захария краем глаза отметил, что одна из англиц с самого начала необычного диалога не проявляла никаких эмоций. Красивая, с длинными волосами цвета «вороного крыла» и грудью никак не меньше третьего номера, она сидела за своим столом и отвернувшись смотрела в окно, никак не участвуя в разразившейся панике, словно бы все происходящее вокруг ее никак не касалось. Такое поведение очень сильно контрастировало с окружающей обстановкой и поэтому не могло быть незамеченным. Между тем, первые из «геологов» уже нашли в залежах своих необъятных кладовых нужные препараты и уже начали протягивать Захарии со всех сторон пузырьки, тубики и облатки с названным медикаментом. «Надо же! У них и здесь у всех голова болит! Ну, бабы!» – подумал он с искренним восхищением перед стойкостью женской натуры. Всем вдруг непременно захотелось поучаствовать в спасении жизни своего врио, поняв этот душевный порыв, Захария не посмел никого обидеть отказом, поэтому собрав в охапку все подношения от пристыженной паствы, невольно расчувствовался и принялся на правах старшего по званию благословлять всех подряд

«приносящих дары», бормоча, обращаясь к каждой:

– Бог с тобой, дочь моя! Прости тебя, Господь! Будь благословенна! Оставь свой номер телефона! Тьфу, что я говорю?! Следующая! Счастья тебе, милая! Молись и воздастся тебе! Бог тебя не оставит! Ну, все что ли?! Уфф!

Собрав, положенную дань, развернулся и пошел к выгородке. Но дойдя до нее обернулся на рыдающую от счастья толпу и уже совсем деловым и будничным голосом бросил:

– Да, вот еще что. Организуйте-ка для умирающего чаю. Крепкого. С лимоном, но без сахара! Ясно?

Сотрудники дружно закивали. Захария, пятясь, открыл задом дверь в стеклянную конторку и скрылся из вида. Войдя внутрь, отдуваясь, как от непосильной ноши ссыпал на стол все, что насовали сердобольные женщины:

– На! – Произнес он, глядя на все еще сжимающего голову Левушку. – Этого тебе хватит на целый год беспробудного пьянства.

– Ну и к чему ты устроил весь этот балаган?! – со стоном спросил все слышавший Вершинин.

– А к тому, скотина ты безрогая, чтобы ты впредь знал с кем и как надо пить и не являлся на службу в таком непотребном состоянии, – с угрозой в голосе ответил полковник. После этого подошел к кулеру, стоявшему в углу помещения, и набрал из него в стакан холодной воды. Затем, поставив стакан перед носом начинающего алкоголика, вскрыл один из пузырьков и высыпал оттуда две небольших таблет-

ки. Молча кинув их в стакан, дождался, когда они быстро растворятся, поднес к губам страдальца.

– Пей! – приказал он сидевшему.

Левушка залпом осушил стакан с содержимым ни капли не пролив, несмотря на трясущиеся руки. Тут же вошла девушка в звании прапорщика, неся перед собой поднос с восемью стаканами почти черного от крепости чая, с плавающими на поверхности кружочками лимона. Осторожно поставила на стол и уже собралась что-то сказать, но встретившись с взглядом Захарии, передумала и вышла, так и не проронив ни слова.

Через каких-нибудь полчаса, Левушка уже настолько хорошо себя почувствовал, что оказался в состоянии здраво и связно излагать свои мысли. Опять пришлось доставать флешку. Опять пришлось испытывать нервную систему Захарии просмотром трагического эпизода, делая остановки для покадрового разбора и высказывания различных гипотез. Попутно пришлось рассказать Захарии о чехарде и неувязках в приказах, а так же о диалоге с Борисовым из отдела ПВ-перемещений. И, конечно же, пришлось поведать об итогах его расследования со своим начальником Тацитом, вылившихся в безобразную пьянку, но, тем не менее, проливших кое-какой свет на это более чем темное дельце.

– Скажи, – теребил Вершинин настойчиво полковника. – Может тебе показалось тогда что-то странным? Может быть, предчувствие какое-то тебя беспокоило перед происшестви-

ем?

– Да вроде ничего такого не было, – вспоминая уже в который раз вчерашнее злополучное утро отвечал ему Захария. – Вроде все как всегда. Хотя...

– Ну-ну, – подбодрил его майор.

– Сердчишко у нас, в смысле у меня с Кругловым, с утра побаливало, да крепенько так, что мы даже в больничку хотели пойти после детского сада. Никогда такого не было, а тут вдруг как прихватит, аж в глазах темно было.

– Да-да, аппаратура зафиксировала редкий случай двойного инфаркта.

– Как двойного? – не понял полковник.

– Ну так. Видимо первый раз тебя еще дома шарахнуло, а ты вместо того, чтобы вызвать и мирно ждать приезда «скорой», поперся в садик, а когда увидел несущийся на вас джип, то второй инфаркт вас и добил.

– Ну да, наверное так и было, – согласился он с доводом Левушки.

– Это все понятно. А я тебя о странностях спрашиваю, – не унимался тот.

– Странностях?! – выпятив нижнюю губу в задумчивости проговорил Захария. – Ну вот разве что... собачонка. Вернее щенок. От нашей дворовой собаки Фуфайки. Колобком его все звали.

– Так-так, продолжай, – с интересом стал нажимать Левушка. Все восемь стаканов чая, приятелями были уже дав-

но выпиты, поэтому допрос «с пристрастием» приходилось проводить всухую.

– В принципе ничего такого особенного, просто, когда мы с дочкой выходили со двора, откуда-то из кустов к нам выскочил щенок. Инесса часто играла с ним, из дома кое-что таскала, чтобы подкормить. Я не возражал. Милый такой, косолапый и весь кругленький, – при этих словах Захария невольно улыбнулся, и его улыбка передалась Левушке. – Мы остановились. Она как всегда принялась тискать его и упрашивать меня разрешить взять его домой. Я ей сказал, что мама непременно будет ругаться, и просто предложил ей продолжать подкармливать щенка и дальше при полном моем содействии. Она держала его на руках, и я нагнулся, чтобы погладить его...

– И что, он цапнул тебя за руку?! – в нетерпеливом недоумении воскликнул майор.

– Право слово, уж лучше бы он меня тяпнул. Я вдруг почувствовал такой холод, пробирающий до костей, как будто меня запихали голого в морозилку.

– Так-так, – проронил Левушка.

– Что, так-так?!

– Ничего-ничего, ты продолжай.

– А потом он на меня взглянул... и меня охватил такой ужас, какого я доселе никогда не испытывал, а ты меня знаешь я не из пугливых. Как будто сама Смерть заглянула мне в глаза. Мы ведь тут со смертью, вернее с ее проявления-

ми, сталкиваемся чрезвычайно редко. Я еще не встречал случая смерти райанца от старости, разве что в результате какого-нибудь несчастного случая, что встречается крайне редко. А тут, понимаешь, нос к носу встретился с «безносой».

От предельного внимания и боязни упустить хотя бы мельчайшую деталь повествования, Вершинин, как ребенок слегка приоткрыл рот. Зрачки его глаз при этом расширились, как у завязанного кокаинщика. А полковник, не обращая на него внимания, весь погруженный в свои воспоминания продолжал:

– Щенок, тоже видимо понял каким-то только ему ведомым чутьем, что его взгляд вселяет ужас, поэтому быстро отвел его и больше на меня не глядел. Так я его и не погладил. А потом он как-то выкрутился из ее рук и юркнул куда-то в кусты, мы же пошли дальше своей дорогой. В общем-то, вот и все, ничего особенного, – закончил он свое короткое повествование.

– Ничего особенного говоришь?! Ну-ну, – хмыкнул Вершинин.

– А что? – насторожился Захария.

– Сколько примерно длился ваш контакт с собачонкой? – деловито поинтересовался Левушка.

– Пару минут, не более.

– Пару минут, – задумчиво повторил за ним Левушка. – А если бы вы не задержались возле этого щенка на эти пару минут, то и ДТП возможно бы не случилось. Так?

– Так.

– Разница в двух приказах по отделу, тоже составила как раз эти пару минут. Никакой аналогии не просматриваешь?

Захария пожал плечами. Все это конечно выглядело более чем странно, но он никак не мог понять куда клонит разговор его собеседник.

– Контакт со щенком сопровождался общим понижением температуры окружающей среды, как и в случае с «темноочкастым» хлыщом и дурацким джипарем?

– Ну да, выходит так, – промямлил полковник.

– Щенок-то, небось, был черного цвета? – подмигнул он Захарии.

– Да. А какое это имеет значение? – изумился тот.

– Да никакого. Ты случайно не помнишь, какая эмблема, там, на Земле, олицетворяет Нечистого? – как бы, между прочим, спросил он вконец растерявшегося Захарию.

– Ну, козел с копытами, летучая мышь.

– Так, а еще, – подводил его к какой-то мысли Левушка.

– Ну, еще муха с пентаграммой.

– Правильно, а еще?

– Число зверя.

– Нет. Я тебя не про числовое значение спрашиваю, а про эмблему.

– Ой, даже и не соображу сразу.

– А я подскажу... Ты читал, наверное «Мастера и Маргариту» Булгакова?

– Читал. Но ведь это беллетристика...

– Не скажи, брат. Так медальон с изображением кого повесил Воланд на шею Маргарите?

– Пса. Черного, – уверенно произнес Захария.

– Вот! – подняв указательный палец вверх, констатировал Вершинин.

– Левушка, это смешно, делать научные выводы на основе фантазий писателя, – попробовал было возмутиться Захария.

– Подожди, – перебил его майор. – Ты ведь у нас, как я знаю, числишься большим знатоком античной литературы, не так ли?

– Ну, не то чтобы так уж, – заскромничал Захария.

– Так вот, – продолжал свое наступление Вершинин. – Кто там охранял ворота в ад, согласно греческой мифологии?

– Цербер. Пес о трех головах. Согласно Гекатею, Филохору и Плутарху, – отгарабанил он как отличник на уроке истории.

– Молодец. Возьми с полки пирожок. Только и мы не лыком шиты, – ухмыльнулся Левушка. – Упомянув Цербера, ты забыл, что псов, охраняющих ад, на самом деле было двое. И второго пса, которого в схватке задушил Геракл, звали Орф.

– Да. Согласно Палейфату, – подтвердил Захария.

– А как он расправлялся с незваными гостями, не помнишь? – с хитрецей в голосе спросил безжалостный допра-

шиватель.

– Убивал, предварительно замораживая своим взглядом, – упавшим голосом выдавил из себя полковник.

– Вот именно! – торжествующе воскликнул второй знаток античной мифологии.

– То есть ты хочешь сказать, что я столкнулся с самим воплощением зла?! – с нескрываемым ужасом и отвращением выпалил Захария.

– Ну, с самим не самим, этого я утверждать не берусь, тем более, как показывает анализ событий, встреча с ним никак не отразилась на тебе. По крайней мере, ничего плохого оно тебе не причинило. Даже наоборот, вроде как помогло, и ты смог пообщаться с дочерью.

– Ничего себе помогло?! Сунуло меня под машину! – возмутился полковник.

– Ты все равно бы помер через пару минут, – отмахнулся от него Левушка. – Просто не так триумфально.

Захария поежился. Цинизм доморощенного гностика выбивал его из привычной колеи мироощущения и морально-этических установок.

– К тому же, – продолжал Вершинин, как бы отвечая на немой протест со стороны своего визави. – Категория абсолютного добра и абсолютного зла, присуща только нам – простейшим организмам Вселенной. Кто его знает, какими понятиями привыкли оперировать там, наверху?

– И какой, по-твоему, из всего этого можно сделать вы-

вод? – поерзал на стуле Захария, устав от долгого сидения на месте.

– Да, никакого, – тускло ответил ему Левушка. – Кроме того, что дело это очень темное и в нем замешаны весьма разнородные персонажи. Помимо загадочных артефактов и серафимов там еще присоседился и наш разлюбезный шеф.

– Кстати, когда я ему сообщил, что ты назначил мне сегодня встречу, то горячо поддержал меня, велел тотчас же доложить о ее результатах.

– Вот даже как? – выгнув бровь, удивился майор.

– Да. Сегодня в 18.00 я увижу его в штаб-квартире, но там вряд ли удастся перекинуться хотя бы парой фраз, а вот на завтра он пригласил меня к себе в гости и там, я думаю, и должно состояться расстановка всех точек над I.

Помолчали еще немного. Потом Захария глянул на свои часы и присвистнул:

– Ой, время-то как быстро пролетело! Вот уже и рабочий день подходит к концу. Пора мне выметаться отсюда. Да, вот еще что, – тут он тут он потер лоб раздумье. – Мне для завтрашнего разговора с шефом, наверняка потребуются привести убедительные доводы нашей подозрительности, поэтому, ты скачай мне на какую-нибудь флешку, все вчерашние видеозаписи. Дашь?

– Хорошо, сейчас скачаю. Минутку, – с этими словами он открыл один из ящичков стола и пошарив там рукой, вытащил съемный носитель в форме маленькой «золотой рыбки»

и сунул его в компьютер. Поводил «мышкой» по экрану, пощелкал клавиатурой и вытащив «золотую рыбку» протянул ее Захарии. Тот моментально спрятал ее в складках своей тоги, словно боясь обжечь об нее свои пальцы. Тепло попрощались.

– Обязуюсь держать в курсе по мере возможности, – бросил он Левушке с порога, не поворачивая головы.

Выйдя в общий зал операторской, начал пробираться к выходу. Время было 16.54, поэтому все сотрудники были уже на «низком» старте. Проходя между столов, заметил ту самую девушку, которая так необычно вела себя во время массовой истерии. Она, как и все окружающие уже начала потихоньку собираться на выход, что-то укладывая в сумочку. Подошел к ней и остановился. Бросив на него косою взгляд, она перестала копаться в сумке и нарочито отвернулась, поджав губы. Тогда он нагнулся к ней и чуть слышно прошептал в самое ухо:

– Это конечно не мое дело, милая девушка, но мне почему-то кажется, что именно в вашей поддержке он нуждается больше всего на свете.

Затем резко выпрямился и быстрым шагом направился прочь. Она неторопливо обернулась в его сторону. На ее длинных и пушистых ресницах поблескивали капельки слез, но он их, к счастью, уже не застал.

В приемную к Ирии заходить не стал, чтобы лишний раз не мозолить ей глаза, да и она сама могла расценить это как

проявление недоверия к ее обещанию. А рисковать только что зарождавшимся и многообещающим отношениям с хорошей девушкой, никак не входило в его планы. Поэтому где-то нужно было «убить» почти целый час. Бесцельно бродить по коридорам громадного здания в это время было до чрезвычайности опасным занятием, так как дикая орда никем и ничем неуправляемых ангелов, спешащая с работы по домам, подобно «девятому валу» сметала все на своем пути к заветной раздевалке, что напрямую угрожало целостности его только что приобретенных парадных крыльев. Раскинув умом, которого у него была целая палата, он вполне здраво рассудил, что лучшего убежища от надвигающегося шторма или правильнее сказать штурма, чем туалет трудно было себе представить. Тем более выпитый накануне чай, настоятельно требовал своего естественного выхода.

Минут через пять, рассчитав промежуток временного затишья между штурмами внутреннего телепорта и раздевалки, Захария без особой толчеи вышел из здания, а еще через несколько минут уже стоял в тридцати тысячах километров отсюда.

XVI

Город, в котором оказался Захария располагался приблизительно на равном удалении от всех секторов и имел короткое, но емкое название – Центр, что объясняло его сущность и предназначение. Его особый статус заключался, во-первых, в том, что он не подчинялся ни одному из секторов, во-вторых, в нем не было ни одного жителя и в-третьих, он был очень маленьким. Первое объяснялось тем, что именно в нем по всеобщей договоренности располагались центральные аппараты всех Коллегий, комитетов и собственно штаб-квартира Ангельской Службы. Они не обладали всей полнотой власти и их решения носили скорее рекомендательный характер для исполнительных властей секторов, но по устоявшейся традиции, к их рекомендациям прислушивались на местах. Также в нем находились наиболее важные культовые сооружения основных религиозных течений выходцев с Земли. По мнению Захарии это было очень разумным решением, так как выбивало почву из-под ног у всяческих религиозных сепаратистов, которых впрочем и так не наблюдалось, но все-таки... Второе обстоятельство вытекало из первого. Так как в нем находились лишь административные и культовые объекты, то надобность в постоянных жителях отпадала. Сюда (хотел сказать приезжали) прибывали только исключительно по работе и на торже-

ственные межсекторальные мероприятия. Раньше, когда телепортация еще не была освоена, люди жили в этом городе на основе «вахтового» метода, но с приобретением возможности мгновенного перемещения, необходимость в этом отпала и жилые помещения, в основном просто пустовали, либо переделывались под небольшие гостиницы для туристов. Одно время существовала идея сделать из Центра полноценную столицу, обсуждались и согласовывались проекты и сметы, от этой идеи решили пока воздержаться в связи с тем, что самосознание «обращенных» еще не дотягивало до того уровня, чтобы признать себя единым народом. Разумеется, со временем и этот вопрос потеряет свою остроту и будет решен, но пока этого не случилось, решили не форсировать события.

Площадь, на которой Захария очутился, имела почти идеальную круглую форму, в центре которой располагался громадный фонтан, окруженный кольцеобразной чашей из розового с черными прожилками порфира. Сам фонтан, представлял собой террасообразную структуру из центральной части, которой, была вверх, едва не на тридцать метров мощная струя прохладной воды. Каждая из ступеней террасы тоже изливала свои струи, но поменьше. Внутренняя подсветка, постоянно менявшая свою цветовую гамму, делала фонтан похожим на ожившую радугу. Ночью, когда изменчивая гамма подсветки синхронизировалась с тихо звучащей музыкой, зрелище приобретало феерическую окраску и поль-

зовалось большой популярностью и парочек молодоженов, только что заключивших брак в одном из городских храмов. Несмотря на всю свою красоту, фонтан имел неофициальное, но признанное в народе до обиды некрасивое прозвище – «Ромовая баба». Несколько десятков разновозрастных ребятишек, словно стайка воробьев обступила фонтан, сидя на краю его чаши и бултыхая ногами в воде. Зоркие мамы. Сидя на лавочках, невдалеке бдительно наблюдали за тем, чтобы они не лезли в воду и уж тем более не лезли под падающие с большой высоты тугие струи воды. Захария постоял у фонтана, облокотившись о выступающие края чаши, жмурясь и испытывая наслаждение от того, что редкие капли попадали на лицо. Думать ни о чем не хотелось, тем более о плохом. Поэтому все свои помыслы он посвятил оставшейся на Земле дочери, которую несмотря ни на что он считал исключительно своей. Площадь с фонтаном полукругом опоясывало здание штаб-квартиры. Повернувшись лицом к зданию, он наблюдал, как к нему начали подходить и скрываться внутри важные персоны. И хотя из-за расстояния он не мог разглядеть их лица, яркая пестрота и размер крыльев входящих четко указывал на их немалый ранг в ангельской иерархии. Поглядев на циферблат своей «чайки» и удостоверившись, что до мероприятия осталось не более десяти минут, не спеша побрел к центральному входу. У основания ступенек ведущих ко входу, слева и справа расположились две скульптурные композиции. Слева – пеликан,

олицетворяющий собой самопожертвование и родительскую любовь, а справа – стилизованная скульптура ангела, несущего на руках ребенка. Обе скульптуры были сделаны из белоснежного мрамора. Подойдя к «пеликану» остановился и стал оглядываться по сторонам, ища взором Ирию. Но как ни вглядывался, приставляя ладонь козырьком ко лбу, так и не смог разглядеть долгожданную фигуру. «Может дела нашлись или родители не отпустили, а может...» – верить в то, что у него может иметься соперник, неприятно кольнула его мозг. Скорбно вздохнув, уже собрался было подниматься по ступеням, как сзади услышал:

– Я не сильно опоздала?!

– Нет-нет! Что вы?! – моментально обернулся он и замер от восхищения. Он рассчитывал увидеть ее в скромной тоге лейтенанта ангельской службы с маленькими розовыми крылышками за спиной, а перед ним неожиданно возникла красавица. Нет, даже не так. КРАСАВИЦА. Перед ним стояла невысокая, стройная девушка с точеной до идеальной формы фигурой шахматного ферзя, с пышными локонами белых волос почти касающихся оголенных гладких плеч. Плечи были настолько округлыми и гладкими, что глазу не за что было уцепиться, и он все время соскальзывал с них. Шею девушки с настолько нежной и белой кожей, что даже видно было, как бьется под ней родничок, украшал простой медный крестик на веревочном гайтане. Но даже он в их компании не казался чем-то чужеродным. Легкая, почти детская

припухлость нижней губки, едва тронутая бледно-розовой помадой, только подчеркивала ее девичью невинность. Вечернее платье длиной чуть ниже колен из золотистой, почти невесомой ткани с большим вырезом на груди, открывавшим божественные по своей красоте и целомудрии холмики с аккуратной ложбинкой между ними и такими же золотистыми туфельками, довершали ее наряд. «Наверное, так могут выглядеть только феи в сказках» – пронеслась у него в голове мысль. В полной мере насладившись его обалделым видом, она продолжила:

– Я просто решила немного осветлить волосы, фен куда-то делся, а они никак не хотели сохнуть, – решила она объяснить свою мнимую задержку. – А вы давно уже тут меня ждете?

– Н-нет! – с трудом выдавил он из себя и для вящей убедительности помотал своей головенкой, из которой будто сквозняком выдуло все давешние мысли и переживания. Но все-таки справился с собой и чтобы не стоять столбом брякнул первое, что пришло на ум:

– Простите, пожалуйста, за мой глупый вид, просто я думал, что вы будете в форме...

– А в приглашении не было сказано, что гости должны обязательно быть из числа ангельских служащих, – лукаво парировала она и, сунув свою ручку в его локтевой сгиб без приглашения повлекла его за собой вверх по ступеням.

В просторном вестибюле, где по стенам висели громад-

ные полотнища картин, посвященных суровым будням ангельской службы, было не протолкнуться. От одновременно раздававшихся со всех сторон голосов и хлопанья крыльев создавалось впечатление переполненного вокзала, на который опаздывало сразу несколько поездов. Многих из присутствующих Захария знал лично, встречаясь по долгу службы, некоторых знал просто в лицо, о некоторых только был наслышан. Встречаясь глазами со знакомыми – здоровался кивком головы. Среди знакомых были Назиат и Нашитат, представляющие азиатский сектор. Тут же присутствовала неразлучная троица – Юйцин, Тайцин и Шанцин. Они всегда и всюду появлялись вместе и являлись бессменными делегатами китайского сектора на всех подобных мероприятиях. Так как они казались Захарии все на одно лицо, то он затруднялся точно определить кто из них кто. Слегка задрапированные в оранжевые одежды тела Амогасидхи и Вайрочана колоритно выделяли их на фоне других. И уж совсем экзотически выглядели Аколмистли и Камаштли —представители ангельской службы из южно-американского сектора, в своих плащах обильно украшенных перьями и раскрашенными лицами. И это только те, которых Захария разглядел в толпе и был знаком лично. Впрочем, несмотря на пестроту собравшихся, обстановка была праздничной, а настроение у присутствующих приподнятое. Отовсюду доносились смех, шутки и непринужденные разговоры на абсолютно отвлеченные темы. Ровно в 18.00 прозвенел звонок, створки больших по-

золоченных дверей распахнулись и делегаты с гостями начали вливаться в актовъй зал. Иерархия не соблюдалась, поэтому садились, кто, где хотел. По прикидкам Захарии в зале набралось вместе с гостями почти четыре сотни особей обоих полов, включая серафимов и херувимов. Не долго думая, Захария с Ирией выбрали себе места с краю в середине рядов, для того, чтобы награжденному было легче выходить на церемонию награждения. По уже давно сложившейся традиции места в президиуме занимали серафим Израэль качестве председательствующего и заменивший на этом месте Метатрона, впавшего в окончательный маразм от старости, Кецалькоатль справа от него и херувим Элохим слева. Дальше по обе стороны сидели валькирия Гель, толстая бабища с тремя подбородками, Шакьямуни со своей вечной ухмылкой на круглом лице, сухонький как кузнечик с длинной бородой Лао-Цзы и притулившийся с самого края, но от этого не менее счастливый архангел Гавриил. А вот это уже была неожиданность из разряда сенсаций. Обычно это место занимал архангел Михаил из евро-американского сектора, а тут такие пертурбации. Видимо ненапрасно ходят слухи о слиянии «русского» и «европейского» секторов. От удивления Захария даже привстал со своего места, чтобы найти взглядом «проштрафившегося» Михаила. Тот сидел в первом ряду и со спины казалось не испытывал никаких комплексов по этому поводу. Привставшего со своего места Захарию тотчас же увидел Гавриил и сияя как медный пятак

показал ему большой палец оттопыренный кверху. Сам же архангел, с венцом и увешенный сверх всякой меры всевозможными наградами походил, скорее всего, на «позднего» Брежнева, разве что без маршальских погон. Захарии казалось, что будь такая возможность, то Гавриил с удовольствием нацепил бы на себя все значки «ГТО», медаль «лучший собаковод» и орден «мать-героиня». Сзади послышался громкий шепот:

– Это он тебе показывает большой палец?

– Да, – ответил он, оборачиваясь, к сидевшей Ирии и усаживаясь сам. – Это он от восхищения и зависти.

– Почему от зависти? – чуть кокетливо поинтересовалась она.

– Потому что вы самая красивая из всех кто находится в этом зале, и сидите не рядом с ним, а рядом со мной.

– Но Олимпиада Дормидонтовна тоже весьма импозантная женщина, – из чувства женской солидарности заявила она.

– Верно. Именно поэтому он и показал его. При ней он бы не посмел решиться на такие вольности, – с улыбкой заметил он своей спутнице.

Тем временем рассаживание в зале закончилось, и наступила официальная и торжественная тишина. Председательствующий взял слово и зачитал по бумажке повестку дня. Захария, как и ожидалось, не был единственным, кого в этот день ждала награда. Орденов за «1000-летний непорочный

труд» удостоивались несколько ангелов и ангелиц из различных секторов. Еще несколько ангелов удостоивались ордена «До последней капли крови», за многократно проявленное мужество и героизм. Долгожданное звание проконсула (соответствует званию генерал-лейтенант в «русском» секторе) получал, наконец, архангел Автроил. Провожали на пенсию ангела Адоэля, решившего, ни с того ни с сего, заняться написанием мемуаров. Это означало то, что место главного энергетика Рая теперь было вакантным. Мероприятие начали с проводов. Ораторы, один за другим, сменяясь на трибуне, восхваляли, как могли нового пенсионера и притворно вздыхали о понесенной утрате в их рядах. Закончилось все вручением адресов и памятных подарков, приобретенных из ассигнований бюджета. Затем перешли к вручению званий. Автроил, поднявшись на подиум, расплакался от счастья как ребенок. Женская половина зала поддержала его своими дружными всхлипами в неумном порыве умиления. Ирия крутила головой из стороны в сторону, как любопытный галчонок, но плакать решительно отказывалась. Этим она еще больше расположила к себе Захарию, который не любил подобные изъятия чувств на публике. Вслед за этим началось и награждение. Награды вручал Лао-Цзы. «Ну правильно, – подумал Захария, – кому же еще поручить награждение, как не всесоюзному старосте дедушке Калинину? Тьфу! Дедушке Лао». Тряся козлиной бородкой, в приступе паркинсонизма тот прикреплял награды тогам,

невнятно шамкая положенные по данному случаю дежурные пожелания. Каждое из награждений сопровождалось бурными и продолжительными овациями. Захария за всем этим не расслышал, как назвали его имя, поэтому не сразу понял, что подошла его очередь. Лишь увидев, как Гавриил со своего места призывно машет ему рукой и, ощущая подталкивающие движения со стороны Ирии, понял, что пора выходить и ему. Бодро взбежал на авансцену, где его уже ожидал, держа в руках Золотой Терновый Венец, дедушка Лао. Нагнувшись к старику, чтобы тому было сподручней надевать на голову венец, Захария скосив глаза в зал отметил про себя искренний восторг в глазах девушки, ставшей за такой короткий срок очень необходимой для него. Шипы с внутренней стороны венца были подпилены, поэтому хоть и причиняли некоторое неудобство, но за рамки терпимого это не выходило. За венцом последовала Ангельская Звезда, размером чуть меньше чайного блюдца. Когда и с этим было покончено, он уже хотел было развернуться и спуститься на свое место в зале, но тут, ломая весь регламент, неожиданно из-за стола выскочил Гавриил и набросился на него с поцелуями и объятиями. «Иудин поцелуй» – невольно подумал Захария, но уворачиваться от объятий шефа не стал. Зал гремел аплодисментами. Красный от эскапады шефа он спустился со сцены и провожаемый овациями и одобрительными возгласами занял свое место в зале. Потом гостей мероприятия пригласили на фуршет в банкетный зал. Столы стояли вдоль

стен по периметру, поэтому в центре образовалось обширное пространство для желающих потанцевать. Шампанское уже было налито в высокие и узкие фужеры, которые стояли плотными рядами на подносах. Они с Ирией взяли по фужеру и уже намеревались отойти с ними куда-нибудь в сторону, чтобы в обществе друг друга насладиться виноградными дарами, но желавших чокнуться с новоявленным кавалером было столько, что уже через пятнадцать минут у него онемела рука, сжимавшая фужер, а шампанское от многочисленных чоканий, почти все расплескалось по полу. Единственное, что примиряло его с действительностью, было присутствие рядом любимой, он уже в этом почти не сомневался, девушки. Гавриил тоже считал своим долгом почтить почти счастливого полковника своим присутствием.

– Ты не забыл, что обещал прийти к нам в гости завтра?! – пророкотал он, нависая над подчиненным.

– Нет, товарищ генерал, никак не забыл. Приду непременно, – отрапортовал Захария.

– И подружку с собой приводи! – подмигнул архангел.

– Ой, – вскинулась та, – а я завтра не могу. У меня секция по субботам.

Услышав это, Захария облегченно выдохнул. Ему очень не хотелось, чтобы она присутствовала при завтрашнем неприятном для сторон разговоре.

– Очень жаль, – сказал шеф, мигом почуяв какую-то напряженность со стороны Захарии. И уже обращаясь к нему,

спросил. – Ты что-нибудь нарыл новенькое?

Захария коротко кивнул.

– Ладно, веселитесь. Не смею мешать, – с сухостью в голосе сказал начальник и отошел в сторону к стоявшей кучкой группы генералов.

Захария глядя на свой почти пустой фужер, из которого он так и не смог сделать ни единого глотка, решил взять со стола другой, но там его ждало разочарование. На столе громоздились лишь пустые фужеры. Крякнув с досады, он уже хотел присоединить к ним и свой, но Ирия, у которой фужер оставался почти полным, остановила его.

– Давайте я с вами поделюсь, – предложила девушка, осторожно переливая часть содержимого своего фужера к нему.

– А вы не боитесь?! – лукаво спросил он у нее.

– Чего?!

– Того, что я смогу узнать то о чем вы думаете сейчас, – подмигнул он ей.

– Нет. Не боюсь ни капельки, – со смехом поведала она ему. – Мама говорит, что у меня на лице и так все написано.

– И что же у вас написано на лице? – продолжил свой допрос полковник.

– А вот это уже вам виднее. Я же не вижу со стороны свое лицо, – слегка краснея, парировала она его вопрос.

Они чокнулись и медленно-медленно пили шампанское, одновременно осушая фужеры.

– Ну, что, вы узнали все мои сокровенные мысли? – чуть

слышно спросила она.

– Да, – также тихо ответил он ей.

– И о чем же я думаю?

– Не скажу.

Она слегка прикрыла ресницы и уже совсем тихо сказала.

– Спасибо. Пусть это будет нашей с вами тайной, затем помолчала и добавила. – Первой.

Поставив опустевший фужер на стол Захария взял ладонь Ирии в свою руку, для того чтобы сказать может быть самые главные слова в своей жизни, но тут неожиданно для них обоих негромко зазвучала музыка. Он с первых же тактов узнал мелодию. Это был вальс из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь». Все, кто находился в банкетном зале, немедленно расступились поближе к столам, освобождая его центр. Сразу начали формироваться пары, порой весьма экзотические. Решил не отставать от них и Захария, предлагая тур вальса своей очаровательной спутнице, потому что ни на секунду не сомневался в том, что такая красивая девушка может не уметь танцевать.

– А вы не оттопчите мне ноги, а то мне бы не хотелось, чтобы они превратились в лягушачьи лапки?! – со смехом спросила она.

– Мадемуазель! – воскликнул он, делая наигранно обидчивое выражение лица. – Да будет вам известно, что в свое время я с отличием окончил пажеский корпус Его Императорского Величества, а уж там знали толк в этом деле.

С этими словами он взял ее руку и повел в центр зала. Там, не отпуская ее левую руку подняв свою правую, а левой обхватив ее талию, а на самом деле лишь только чуть прикасаясь, медленно закружил в ритме чарующего вальса, все убыстряя и убыстряя темп с каждым кругом. Со стороны казалось, что для этих двоих разом, как по мановению палочки, перестали существовать и зал с многочисленной публикой, и танцующие рядом пары, и вся окружающая обстановка. Были только они, вальс и Вселенная, наполненная звездами, где они кружили среди них, не замечая ничего вокруг. Двигаясь абсолютно синхронно, они создавали впечатление о себе как о паре уже давно и успешно занимающейся балльными танцами. Никто бы не поверил тому, что высокий и атлетически сложенный ангел (это было не скрыть даже драпировкой тоги) и его невысокая, но чрезвычайно стройная райанка, танцуют свой первый в жизни совместный танец. Если бы он был самим Богом, то не желал бы для себя ничего кроме бесконечно продолжающейся музыки и вальса, чтобы чувствовать в своей руке ее ладонь, ощущать аромат ее дыхания и слышать, как трепещет ее сердечко. Эта пара в своей неудержимой страсти настолько сильно контрастировала со всеми окружающими, что они в большинстве своем просто поспешили освободить центр зала, скромно танцуя по его периметру. Все взоры окружающих были направлены только на них и не на кого более. Их завораживающему танцу не мешали даже его громадные крылья, чего он втай-

не опасался. Напротив, наличие крыльев делало их танец похожим на полет большой красивой бабочки. Он обманул ее опасения насчет лягушачьих лапок, а она в свою очередь подтвердила его уверенность в ее танцевальных возможностях. К разочарованию обоих, музыка закончилась. Раскрасневшиеся и улыбающиеся, они отошли к столам, чтобы передохнуть. Пока все танцевали, кто-то незаметно опять наполнил все фужеры новой порцией живительной влаги. К легким закускам, кажется никто так и не прикоснулся. Следующий танец решили пропустить, чтобы немного передохнуть и отдышаться. Захария взял два фужера, один из которых протянул Ирии. С наслаждением, словно утоляя давнишнюю жажду выпили.

– Вы мне сейчас напомнили Наташу Ростову на новогоднем балу, – едва сдерживая свои чувства, проговорил он.

– Да?! – удивилась она, по-прежнему улыбаясь, но уже немного отойдя от пережитых впечатлений. – Вот уж никогда не ассоциировала себя с этим персонажем.

– Почему?! Мне кажется у вас много общих черт, – удивился он.

– Нет уж, спасибо! – весело улыбаясь, но при этом, отрицательно качая головой, возразила девушка. – Меньше всего в жизни я хотела бы походить на это аморфное создание, похожее на губку, которой все равно какую влагу впитывать и постоянно подстраивающуюся под окружающую ее обстановку. Этакий маленький хамелеончик. Ей ведь по сути все

равно у какого огня греться, лишь бы в попу не поддувало...

Захария с нескрываемым удивлением воззрился на свою юную (юную ли?) спутницу. Слегка задумался, припоминая перипетии знаменитого романа, а затем не слишком уверенно кивнул:

– Да. Пожалуй, вы в чем-то правы. Есть в ней что-то не горячее и не холодное, а так... нечто тепленькое.

Теперь уже она с интересом посмотрела в его глаза, что-то решая про себя. Затем кивнула и неожиданно спросила, все также улыбаясь:

– А хотите, я вам скажу, какой вопрос вертится у вас на языке?

– Хочу! – так же неожиданно согласился он на предложение.

– У вас на лбу санспарелем написано: «Сколько же ей лет?»

– Да нет, ну что вы, право... – попробовал он поотнекиваться.

– Так вот, – не слушая его, продолжила она. – Мне три дня назад исполнилось... семьдесят шесть...

– Ой, как замечательно! – радостно выдохнул он, невольно выдавая свое беспокойство по этому поводу.

– А вы чего боялись?! – прямо спросила девушка.

– Я?! – по-еврейски отвечая вопросом на вопрос, желая как-то стушевать момент и перевести его в шутку, но взглянув в глаза ей, решил все же не лукавить. – Я на миг испу-

гался, что вы можете быть намного старше меня, из-за того, что вы так по-взрослому рассудительны.

И они тут же, не сговариваясь, они оба громко засмеялись. В его смехе Ирия сразу уловила нотки облегчения. И вновь зазвучала музыка. На этот раз это был Исаак Шварц со своей «Звездой пленительного счастья». Такой вальс было грех пропускать, и они вновь закружились по залу, целиком растворяясь в музыке, и друг другу. Были и другие танцы в этот вечер, и конечно же среди них не могло не быть «белого». Время летело незаметно. В очередной раз, взглянув на часы, электронное табло которых висело под потолком и показывало время 22.45, Ирия вздохнув, произнесла:

– Я конечно не Ростова, а всего-навсего бедная Золушка, поэтому мне, как и каждой порядочной Золушке, пора вовремя остановить безудержное веселье и вернуться к своим метелкам и поварешкам.

– Но как же... – хотел он ей возразить, но она пресекла на корню его возражения, приставив свой пальчик к его губам в воспрещающем жесте.

– Так надо, – улыбнулась она ему, – иначе карета Золушки превратится в тыкву. А если серьезно, то я обещала родителям к одиннадцати быть дома.

– Тогда можно я вас провожу?!

– Не возбраняется, – хитренько подмигнула она ему.

Как можно незаметнее они постарались ретироваться из зала. Прохлада ночи освежила их лица. «Ромовая баба»

подсвеченная изнутри прожекторами разного цвета, на темном фоне окружающей среды, выглядела еще более великолепно, чем днем. Очень хотелось хоть на минутку задержаться возле нее, но время, к сожалению, поджимало, поэтому они быстрым шагом, но держась за руки, проследовали мимо нее к ближайшему телепорту.

– Где вы живете?

– В Простоквашке. В высотке, что на углу Циолковского и Пиленко.

– А-а-а, кажется, знаю. Это напротив Музея Земного Растениеводства?

– Верно. А вы хорошо ориентируетесь в Городе, несмотря на тридцать лет отлучки, – на ходу заметила она.

Подойдя к телепорту, светившемуся ради ночного времени бледно-оранжевым светом они, не разжимая рук, встали в его центр, зажмурившись и рисуя в воображении конечный маршрут путешествия. Уже через мгновение они оказались в нужном для них месте. Простоквашинский «молодежный» район, в отличие от остального Города не любил спать даже по ночам, поэтому народу на улице было довольно много. До указанной высотки было рукой подать. Они преодолели это расстояние за каких-нибудь полминуты. Подойдя к единственному подъезду небоскреба, остановились.

– Ирия! Я еще раз хочу поблагодарить вас за этот незабываемый вечер, который вы мне подарили. Правда. Я еще никогда не был так счастлив, как сегодня. И еще, знаете?...

– Знаю. Но всему свое время, – обещающе ответила она на его невысказанные слова. – И как мне кажется, у нас его с вами будет еще предостаточно.

Она испытующе посмотрела на него. Он судорожно закивал, на найдя, что ответить. Наконец он спохватился:

– Ирия, запишите мой номер коммуникатора.

– Говорите, я запомню.

– Захария-19.

– Простой номер. Мой будет посложней. Ирия-286. Запомните или вам куда-нибудь записать?

– Запомню. Терранций.

– Что-что? – не поняла девушка.

– Я говорю. Терранций. Это 286-й элемент периодической системы Менделеева. Терранций – Земля. Терра – так иногда мы между собой называем Землю. Разве такое забудешь?!

– А вы еще и химик! – улыбнулась она. При этом она слегка подалась к нему, вставая на цыпочки и вытянув губы для прощального поцелуя, но не завершив, этого, казалось бы, естественного движения, резко развернулась и быстро застучала каблучками к подъезду. «Почти поцеловала. Какой-никакой, но прогресс» – улыбнулся про себя Захария.

XVII

После того приснопамятного разговора на кухне между Господем и Саваофом, работа закипела буквально на следующий день. Не откладывая дело в долгий ящик, Саваоф направился в деканат с заявкой на создание и монтаж Платформы для проведения в спроектированных условиях эксперимента по направленной эволюции живых организмов. Дабы не возбуждать общественность раньше времени, профессор в заявке не стал уточнять эволюцию каких именно организмов предстояло искусственно простимулировать. В деканате настолько обрадовались этой заявке, что даже не стали обращать своего пристального внимания на такие мелочи. А все дело в том, что кафедра, руководимая Саваофом и так числилась в разряде отстающих по освоению фондов, страдая от их хронической недовыборки.

Господь тоже не сидел, сложа руки. Сунув подмышку мнемокристалл последнего выпуска «Каталога звездных систем» он направился к знакомым в НИИ «Астрон», где изучались все космические объекты, находящиеся в этой части Вселенной. Там, представившись вахтерше, попросил ее вызвать заведующего лабораторией изучавшей планетные системы. Через пару минут он уже попал в медвежьи объятия завлаба Одина:

– Здорово, чертушка! – тискал он Господя в своих лапи-

цах. – Я как чуял, что ты нагрянешь! Что так долго собирался?! Уже неделя прошла с тех пор как ты мне видеофонил, обещая зайти! Это ко мне, – кивнул он вахтерше, увлекая приятеля к себе в лабораторию.

В детстве, играя с пацанами в войнушку, ему из рогатки выбили левый глаз. Несколько лет пришлось ходить со специальной регенерирующей повязкой, пока зрение не восстановится. Зрение восстановилось, а вот привычка щурить глаз осталась навсегда, придавая лицу Одина вечно саркастическое выражение.

Уже сидя в кабинете завлаба на старом и продавленном диване, приятели продолжили начавшуюся беседу.

– Слушай, Берыч, – обратился Господь к хозяину кабинета по отчеству, – тут такое дело, я тебе вкратце уже говорил о нем...

– Да, помню. А что это у тебя подмышкой?! Каталог? Последний выпуск? Выбрось.

– Почему? – недоуменно спросил гость.

– Все эти каталоги к моменту их издания безнадежно устаревают. Обстановка меняется прямо на глазах, мы и сами-то порой не успеваем за событиями.

– А что же тогда делать?! Как быть?! – явно испуганно пролепетал Господь.

– Помнится, ты спрашивал, имеется ли в зоне прямой видимости планета с уже существующей, но неразвитой жизнью основанной на углеродистых соединениях.

– Да-да. Именно эти планеты меня сейчас интересуют больше всего, – подтвердил он слова приятеля.

– Так вот, – продолжил тот. – Я тут пошарил на досуге, с телеметристами покалякал. Они в один голос утверждают, что такая планета имеется в загашнике. Причем недалеко от нас. В соседнем рукаве нашей Галактики. Расстояние плевое. Всего каких-то пятьсот парсеков. Если хочешь, я даже могу сказать тебе ее шифр в кодификаторе.

При этих словах он встал с дивана и подошел к столу, заваленному какими-то мнемокристаллами, трубочками, палочками, астролябиями и вообще предметами непонятного назначения. Долго копошился среди всего этого, с точки зрения Господя, абсолютно бесполезного хлама и все-таки отыскал маленький – в половину пальца кварцевый кристаллик.

– На! – протянул он его Господю. – Здесь вся информация, что я смог раскопать по этой планете.

– Спасибо, друже, – сказал он Одину, – но это еще не все, что мне от тебя нужно.

– А что еще?! – вскинув брови и прищуривая левый глаз больше чем обычно, спросил он.

– Видишь ли, мне еще нужно организовать туда Луч Прямого Канала.

– Ого! А у тебя не сиротские запросы, как я погляжу! – воскликнул Один. – Зачем, интересно знать?!

– Для подробного исследования на месте, – туманно по-

яснил Господь.

– Ты, темнила, не юли со мной! Я тебя, скрытника, еще по школе знаю! А ну выкладывай, все как есть! Седалищем чувствую, что ты что-то затеял, тихушник! – пророкотал Один, доставая из висящего на вешалке рабочего халата непечатую пачку сигарет. Распечатав, предложил гостю, но тот, замотав головой, отказался. Щелкнул зажигалкой, закурил, весь обратившись во внимание.

Господю ничего не оставалось, как только посвятить в свои грандиозные планы приятеля, знакомого ему еще со школьной скамьи. Уже через час импровизированная пепельница из под жестянки с надписью «килька в томатном соусе» была доверху наполнена окурками, а в маленьком кабинете дым от выкуренных сигарет стал настолько плотным, что смазывал лица собеседников. Молоденькая лаборантка, невзначай сунувшая нос кабинет смогла только придушенно пискнуть, быстро прикрыв дверь и напрочь забыв о цели своего визита. А хозяин кабинета, утопая в табачном дыме, прохаживался взад и вперед, то и дела натываясь на офисную немудрящую мебель, слушал своего гостя. Один был очень увлекающимся (хотел сказать человеком), поэтому его чрезвычайно легко можно было подбить на любую авантюру. Господь знал об этой его черте характера и не стесняясь воспользовался этим в полном объеме.

– Честно скажу, – вещал Один, закуривая очередную сигарету, – именно от тебя я и ждал всегда чего-то подобно-

го. Ты у нас всегда был выдумщиком и мечтателем в отличие от нас грешных. Мы и сами с коллегами не раз обсуждали тему спасения гибнущих миров, находящихся у Порога. Но дальше разговоров, как сам понимаешь, дела не шли, ибо пресловутый закон о невмешательстве в естественный ход развития Вселенной даже помыслить не давал о подобном. А ты вот взял, и сломал устои.

– Еще ничего не взял, и уж тем более не сломал, – поморщился Господь, – а ты бы вот лучше форточку открыл, а то не продохнешь.

– Форточку-то я открою, – осклабился Один, еще сильнее при этом прищуривая левый глаз, – а тебя не продует? Как бы маменька твоя потом меня не заругала!

При упоминании маменьки, Господь опять поморщился. Ему было неприятно, когда кто-нибудь из друзей детства напоминал ему об его тепличном воспитании.

– Ладно, сейчас открою, не морщись. – Сказал завлаб, потягивая на себя фрамугу окна. – Ты мне только вот что скажи. Кто еще в курсе твоей затеи, и с кем из руководства, хотя бы вашего института, это согласовано.

– По совести говоря, – замялся гость, откашливаясь в кулак от очередной порции дыма, – полностью в курсе замысла только мой непосредственный руководитель – заведующий нашей кафедрой, профессор Саваоф.

– Это тот, что на сверчка похож?! Знаю такого. Он как-то делал доклад у нас в институте как раз по проблемам поро-

ГОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ.

– Да. Он самый, – подтвердил Господь. – Он не только в курсе, но и целиком поддержал мой проект, впрочем, явно пока не афишируя в нем своего участия. Он сейчас как раз, пробивает в деканате финансирование сооружения Платформы. В общем, пока действуем в полулегальном режиме.

– Ну, я так и знал! – хлопнув себя по коленке, воскликнул астроном. – И все-таки я тебе завидую. Завертеть такое дело, никому ничего не сказав, это надо быть авантюристом высшей марки!

– Почему никому?! – слегка обиделся Господь. – К тебе вот пришел. Еще к генетикам надо будет сходить, их заинтересовать. Аспирантов буду привлекать, старшекурсников. Всем дел найдется. Тут ведь главное – начать, а там уж как-нибудь провернется со скрипом...

– Ну, хорошо. Считай, что одного ты уже привлек на свою сторону. Теперь перейдем к конкретике, – доставая очередную пачку сигарет из ящика стола, произнес он. – Создать Прямой Энерго-Информационный Ротонный Луч и канализировать его в точку с четко заданными координатами это дело вполне исполнимое, хоть и требующее кропотливой отладки. Расстояние там не критическое, всего лишь соседний рукав, да и то середина. С этим, я полагаю, трудностей возникнуть не должно. Но мне, сам понимаешь, в одиночку с этим никак не справиться. Для этого придется привлекать

сотрудников моей лаборатории. У них ведь тоже и своя работа имеется. Придется вносить изменения в регламент. Энтузиазм энтузиазмом, но это не моя частная лавочка, и у меня тоже есть свое начальство. Нужна официальная заявка на проведение таких работ. Твой наставник может организовать такую заявку в авральном порядке?

– Не знаю, – пожал плечами Господь, – но я сейчас могу спросить у него. Подожди минутку.

Произнеся эти слова, он выпрямился, откинувшись спиной на спинку дивана, чинно сложив руки на коленях и замер в позе сфинкса. Один отвернулся к окну, не мешая сеансу ментальной связи. Постоял минуты две, наблюдая, как осенний ветер треплет оставшуюся на деревьях листву. Затем, услышав шевеленье сзади, обернулся.

– Учитель сказал, что после обеда он вышлет официальный запрос. И еще он сказал, что деканат подписал заявку на монтаж Платформы.

– Отлично! – воскликнул приятель, бодро потирая руки. – Кажется, ты ухитрился родиться под удачной звездой! За мной дело тоже не станет. Сразу после обеда начну формировать команду. Да, кстати, раз уж ты упомянул о Платформе, значит, тебе понадобится не один, а два Луча.

– Да. Пожалуй, что так – согласился гость.

– Где ты собираешься ее располагать?

– Ну-у, – выпятил губу в раздумьях Господь, – скорее всего где-то на полпути к этой планете.

– Это хорошо, – кивнул Один. – На полпути это значит в межзвездной Галактики. Там как раз звездная разреженность, поэтому ничто не мешает разместить Платформу с полным комфортом. А если Платформа будет сооружена по классу «люкс», то есть, со своим светилом, то на этом можно будет сэкономить в плане энергетики Луча, настраивать аппаратуру гораздо проще, не потребуется постоянно поддерживать Луч, включая его только по мере необходимости. Ну да это, как говорится, уже не твои заботы, а мои. Так что ты там подскажи своему «сверчку», чтобы Платформу заказал с учетом этих требований. А то они подsunут ему в базовой комплектации, так потом не расхлебаемся.

С последним произнесенным словом, Один уловил себя на мысли о том, что уже не отделяет себя от столь грандиозного проекта.

– Да. И вот еще что, – спохватился Один. – Где ты планируешь размещать нашу аппаратуру? Потребуется приличные площади.

– У нас в подвале полно подсобных помещений, которые обживают только пауки. Места много свободного.

– Разговоры пойдут... Ведь незаметно мы ее разместить там не сможем. Слишком много ее будет, да и громоздкая очень.

– А-а-а, – беззаботно отмахнулся Господь, – на первых порах отмолчимся или на крайний случай, отбредемся. А дальше уж как получится. Или уволят меня к чертовой

бабушке, или «победителей не судят». Ты-то возьмешь меня к себе, если что, хотя бы лаборантом?! Только учти, я по вашей части ничего не знаю и не умею!

– Неа, – смеясь, помотал головой завлаб, – не возьму. Ты ведь со своим неумным характером обязательно захочешь разобраться, что там не так с центром нашей Галактики и почему звезды, образуя такие мощные скопления на ограниченном участке, не валятся в кучу по законам всемирного тяготения и не взрываются. Начнешь расшвыривать их туда-сюда, чтобы избежать Мирового коллапса... И уже тогда нам вдвоем придется искать место работы в каком-нибудь ЖЭКе... дворниками.

– А что, разве существует какая-то опасность коллапсации звездных масс?! – озабоченно спросил Господь. – Я этого не знал... Ну-ка просвети!

– Так! Все! А ну-ка иди отсюда! – притворно замахал на него руками Один. – Язык мой – враг мой!

И тут они оба дружно расхохотались. Они были еще очень молодыми, и как все в их возрасте считали, что любые проблемы, встретившиеся на их пути, вполне решаемы. Оба почувствовали, что колесо со скрипом сделало свой первый оборот, поэтому будущее представлялось им исключительно в розовых красках.

Саваоф тоже не терял времени даром. Переговорив со своим учеником по поводу запроса в «Астрон» он наспех составил и отправил ее по назначению гравипочтой «с уве-

домлением» на институтском бланке. Сам же, пользуясь тем, что сегодня у него не было лекций, направился в Трест «ДальКосмоСтрой» на встречу с генеральным директором Демиургом. Несмотря на «шапочное» знакомство с руководителем треста, берущее свое начало с участия в совместных форумах, а так же нечастых лекций профессора, когда-то прочитанных в стенах этой серьезной конторы, он вполне себе рассчитывал на успех. К тому же, уверенности ему придавала подписанная от лица декана заявка на строительство Платформы. Глава треста принял знаменитого на весь мир профессора у себя в кабинете незамедлительно, как только тот назвал свое имя секретарю в приемной. Войдя в кабинет, профессор невольно заозирался вокруг. Просторное, но скудно обставленное, на грани аскетизма, помещение явно контрастировало с представлением Саваофа о космических возможностях этой конторы. Коротко, но тепло поприветствовали друг друга.

– Не смотрите так, дружище, – пророкотал директор, уловив недоумение во взгляде посетителя, – только вчера сюда переехали. Еще не обжились на новом месте после ремонта.

Вид хозяина кабинета не понравился профессору. Мешковато сидящий пиджак (видимо его обладатель резко похудел за короткое время), землистый цвет лица, мешки под глазами и сами глаза, красные, как у кролика, все это наводило на мысль о нездоровом образе жизни и о хронической усталости от постоянного недосыпа организма руководителя

треста.

И действительно проблем на конец квартала накопилось, как говорится, выше крыши. В созвездии Волос Вероники с недавних пор возникло мощное реликтовое излучение, поэтому появилась настоятельная необходимость в строительстве капитально оборудованного лагеря для наблюдателей этого редкого явления. Галактика Андромеда вдруг ни с того, ни с сего резко увеличила скорость сближения с Млечным Путем, и надо было буквально в авральном порядке соорудить Глобальный Временной Провал на пути их сближения, дабы встретившиеся галактики просто мирно разошлись во времени, не касаясь друг друга. Внезапно «запыхла» UY Щита, что создавало реальную угрозу ее взрыва. Такой бадабум, грозил «сносом» чуть ли не половине светил в округе на сотни парсек. Из-за этого пришлось отзывать часть рабочих занятых на других объектах и строить отводные энергетические тоннели, для сброса излишне накопленной энергии звезды. А тут еще, как на грех, помимо, уже известной черной дыры «А Стрельца», рядом образовалось еще несколько таких же, правда, размером поменьше. Все говорило о том, что какая-то вновь образовавшаяся Вселенная активно начинает «высасывать» из нашей звездное вещество и пространство. И опять приходится тресту привлекать рабочие силы для «штопанья» черных дыр путем размещения по их краям гравитационных стяжек. Прямо не «ДальКосмоСтрой», а МЧС какое-то. И это еще не считая

строительства и обслуживания сотен Платформ, разбросанных там и сям и служащих для геологов, темпорологов, спасателей, пространственников, промышленности, связанной с опасным производством, всяческих экспериментаторов, да и просто жителей Сирении, которым захотелось пожить вдали от родной планеты. И всем нужно, и всем срочно, и всем только дай-дай, а тут конец квартала, полно незавершенки. И постоянные в своей бесконечности комиссии по СтройНадзору с их вечными придирками и угрозами. Вот и этот «старый гриб», как мысленно назвал про себя профессора Демиург, наверняка ведь приволокся за какой-то корыстью. И точно, как в воду глядел...

– А я ведь к вам, уважаемый Демиург, по шкурному делу, – начал Саваоф, потирая руками свои острые старческие колени.

– А к нам по другим поводам и не приходят, – в тон ему ответил директор. Сложив руки на столешнице как примерный ученик. – Слушаю вас.

– Тут, видите ли, такое дело, что заявка у нас к вам. На строительство Платформы.

Демиург от этих слов старика поморщился, как от зубной боли. Он втайне надеялся, что просьба профессора будет носить менее объемный характер.

– Всем нужны Платформы, – с усталой грустью произнес он и кивнул на противоположную стену, где находилась интерактивная карта с масштабированным изображением пер-

воочередных строящихся объектов. – Вы у меня уже сегодня третий, с подобной заявкой. У меня и так конец квартала, и план по сдаче горит.

– Вы меня не поняли, – не стал обращать внимания упрямый старик на робкие потуги директора отвязаться от очередного заказчика. – У меня заявка на сооружение Платформы, подписанная в деканате нашего вуза.

– Голубчик, миленький, это не я, это вы меня не поняли. Я вам на чистом сиренианском языке пытаюсь объяснить, что в обозримом будущем, мы не будем обладать необходимыми мощностями для выполнения заявок непрофильных организаций. У нас конец квартала, а мы все еще не наверстали наше отставание от плана, – уже с какой-то мольбой проговорил трестовец, но профессора, закаленного многолетним общением с хронически неуспевающими студентами не так-то просто было разжалобить минорными нотками в голосе.

– Я хорошо себе представляю вашу загруженность и обеспокоенность сроками выполнения принятых на себя обязательств, – чеканным голосом продолжал неумолимо гнуть свою линию «грибообразный» субъект. – Но я так же хорошо себе представляю и ваши возможности в этом плане.

– Да поймите же вы меня уже, наконец! – уже начиная терять остатки терпения, а потому повышая голос, проговорил Демиург. – Все чем я располагаю в данный момент – это вон секретарша в приемной, которая не сможет для вас ничего соорудить более сложного, чем чашка капучино! И то поло-

вину расплещет, пока донесет!

– Не кричите так на меня, уважаемый, – не повышая голоса, ответил профессор. – Я стар, но еще не окончательно оглох. А вот вы – гораздо моложе меня, но выглядите, на мой взгляд, совершенно жутко.

– Извините, профессор. Сорвался. Но и вы должны меня понять...

– Именно потому, что очень хорошо понимая, я и пришел к вам с этой заявкой, а не в Министерство Развития, откуда вам бы просто спустили резолюцию о безусловном исполнении, ничуть не входя в ваше и без того сложное положение. Уж поверьте мне старику, моего авторитета вполне бы хватило, чтобы без особого труда раздобыть подобную резолюцию.

Директору нечем было крыть столь крупный козырь, поэтому он только немо разевал рот, будто рыба, выброшенная на берег и разводил руками. А неумолимый, как бульдозер старик продолжал, меж тем, хитро прищурившись:

– Смежники подводят, как всегда? Комиссии и надзорные инстанции, небось, всю душу вымотали со своими претензиями? Что их не устраивает? Недоделки, выявленный при эксплуатации брак и очковтирательство при подписании актов о сдаче? А тут еще министерство постоянно капает на мозги по поводу хронических отставаний от запланированных графиков, так?

– Вы прямо-таки читаете мои мысли, уважаемый Саваоф!

Откуда вам только знакома вся эта терминология? – удивился Демиург.

– Богатый жизненный опыт, голубчик. Ну да, ладно, я не об этом. Знаете, чем я особенно знаменит среди коллег?!

Демиург развел руками и помотал головой, признаваясь, что понятия об этом не имеет.

– Так вот. Я знаменит тем, что за почти пять тысяч лет моего руководства кафедрой я ни единого раза ничего не просил у своего руководства. Это конечно не подвиг, но что-то героическое в этом безусловно присутствует. Поэтому, когда в деканате получили мою просьбу в оказании помощи по оформлению заявки на Платформу, там поняли, что уж если за сорок лет я решился о чем-то просить, то к этому нужно отнестись очень серьезно, что они и сделали, к вящему моему удовлетворению.

– Что, настолько все серьезно? – с ноткой обреченности в голосе спросил директор.

– Да. Не вдаваясь глубоко в детали, скажу, что намечаемый нами эксперимент, в случае успешного завершения, в чем я ни капли не сомневаюсь, способен будет перевернуть все наши взгляды на эволюционные процессы, протекающие во Вселенной. И возможно в какой-то момент спасет нашу цивилизацию от естественного умирания. Да-да, голубчик, – поймав на себе недоуменно вопросительный взгляд хозяина кабинета, подтвердил Саваоф, – все цивилизации рано или поздно оканчивают свой предначертанный Судь-

бой путь. А я, как и все те, кто участвует так или иначе в эксперименте, этого решительно не желаем. Мы хотим, чтобы наша цивилизация существовала вечно! Слышите? ВЕЧНО! Не правда ли, амбициозно?!

Директор был буквально раздавлен зловещими перспективами, которые могут претвориться в жизнь в случае его отказа от выполнения заявки. Раздавлен, но все еще пытался робко повилить хвостом, в надежде как-то смикшировать ситуацию в свою пользу:

– Но как же смета?! Там уже все сверстано, даже уже на четвертый квартал! Я не имею право вносить в него коррективы. Это будет считаться должностным преступлением!

– Да что вы, в самом деле?! Неужто я ничего не понимаю! Нас вполне устроит включение нашей заявки в график первого квартала будущего года.

Лицо Демиурга при этих словах несколько просветлело, но как оказалось ненадолго.

– Да-да, первого квартала, – подтвердил еще раз профессор, а затем добавил, – но зато в приоритетном порядке и к тому же Платформа должна будет относиться к классу «экстра-люкс».

– Люкс, да еще Экстра?! – выпучил на него глаза Демиург. – Да вы представляете себе, что это вообще такое?!

– От чего же не представлять?! Вполне себе представляю. Не щи лаптем хлебаем.

– Уж лучше бы за печкой! – с пафосом повторил за ним

директор. – Но я все же возьму на себя смелость напомнить вам, что сие означает. Люкс, в данном случае означает, сооружение планетообразной Платформы с полным набором химических элементов периодической системы обеспечивающим полную автономизацию всех жизненных процессов для населения около 80 миллиардов особей, на длительную перспективу, включая флору и фауну. А Экстра означает, что вышеозначенная Платформа, после сдачи в эксплуатацию должна уметь в автоматическом режиме увеличивать свои размеры по мере необходимости и пополнять расходимые в процессе эксплуатации элементы за счет преобразования окружающего пространства. То есть, по сути своей, обладать неким искусственным интеллектом. Это, я вам скажу. Не вшивенький пятизвездочный отельчик на двадцать миллионов отдыхающих, где-нибудь в Гончих Псах, и уж тем более не приусадебный участок в семьсот гектаров.

Лицо профессора при этом несло на себе отпечаток безмятежности. Видимо тому послужило упоминание об отеле и личном садовом участке. Он даже прикрыл глаза, как будто погрузившись в нирвану воспоминаний бурно протекавшей юности. На самом деле все было не так. Сердечко профессора пошаливало, и он всячески старался скрыть это от окружающих, прикрывая глаза, в которых плавала боль. Складывалось впечатление, что он совсем не слышит своего оппонента. Тем неожиданней для того оказались слова, сказанные им негромким голосом:

– Скажите-ка, любезный, а как часто, в последнее время, вам намекали о вашем несоответствии занимаемой должности?

Директор аж поперхнулся от неожиданной наглости слов, непрошенного гостя, и уже хотел ответить ему, что-нибудь в довольно грубом тоне, но не успел, так как сморчок-профессор не повышая тона продолжил:

– Просто я подумал, что в вашем положении сидящего на сковородке неплохо было бы иметь подушку безопасности в виде положительно настроенной к вам прессы. Вы, надеюсь, понимаете, о чем я толкую?

Директор судорожно кивнул. Чувствуя его согласие даже сквозь сомкнутые веки, старик продолжал негромко журчать:

– Наш эксперимент, как я уже говорил, способен будет поднять нашу цивилизацию на несравненно более высокий уровень. И все участвующие в нем, безусловно, будут отмечены на самом, что ни на есть высоком уровне. Даже я, в общем-то, не тщеславный, по сути, и то, с предвкушением смотрю на завтрашний день. Вы же знаете, какую огромную роль играют средства массовой информации в наше время? Конечно же, меня будут спрашивать о том, кто и какую помощь нам оказывал все это время. И я, уж поверьте мне на слово, не премину во всех красках отобразить перед всеми ваш и без того сусальный лик. А так как эксперимент продлится не одно и не два тысячелетия, то ваше имя будет

на слуху у общественности на всем протяжении эксперимента. Это ли не защита от завистников и злопыхателей?!

Профессор не ошибся, точно все рассчитав. Кость была брошена умелой рукой. Жучка схватила ее на лету, только челюсти клацнули. Но веревочку, привязанную к кости, профессор не желал выпускать из своих подагрических, но все еще сноровистых пальцев.

– Ну что, договорились?! – спросил Саваоф.

Демиург почесал затылок, якобы в великом раздумье, потому что сразу соглашаться было сродни потере лица, затем как бы с шутливой ленцой ответил:

– Умеете же вы находить нужные аргументы, профессор. Не пойдете ко мне на полставки замом по сдаче объектов?! А то мой зам такой рохля.

– А вы будете за меня читать лекции старшекурсникам?! – со смехом подхватил старик, у которого почему-то вдруг выступила мелкими капельками испарина на лбу.

– Ну, уж нет! Избавьте от такого счастья! – в притворном ужасе воскликнул Демиург. – Ладно. Давайте сделаем так. Вы оставляете заявку. Я включаю ее в число приоритетных, но на четвертый квартал будущего года. Договорились?

Саваоф кивнул с достоинством римского патриция.

– Промежуточную сдачу наметим тоже на конец последней четверти, но уже следующего столетия – раньше никак. Пока сгустим космическое пространство, пока напрессуем планетарное вещество, пока сформируем среду для благо-

приятного обитания, то, да сё. Окончательную сдачу объекта – еще лет через десять. Ну а акт о недоделках, это уж как водится, в рабочем порядке, – закончил директор, пытаюсь хоть в малом выторговать для себя поблажки.

Встали, пожали друг другу руки. Профессор, вполне удовлетворенный исходом дела, на успех которого хоть и рассчитывал, но не ожидал так скоро, направился к выходу. Но на выходе задержался.

– В рамках данного проекта, у меня к вам будет еще одна просьба.

– Какая? – насторожился директор.

– Нельзя ли будет в процессе обустройства платформы, создать условия для флоры и фауны, максимально соответствующие представленным нами образцами?

– Насчет флоры и простейших микроорганизмов – не проблема. А существа с более высокой организацией возникнут сами – на основе общих законов развития. Так что, не беспокойтесь.

На этом и расстались. Выйдя из приемной, почувствовал внезапную слабость в ногах и плюхнулся на один из стульев, стоявших вдоль стен приемной. Быстро нашарил в кармане пузырек с нитроглицерином. Положив таблетку в рот, замер, откинувшись на спинку стула. Тотчас к нему подскочила секретарша, до этого мирно сидевшая на своем рабочем месте:

– Дедушка, вам плохо?! – закудаhtала она. – Вызвать неот-

ложку?! Я мигом!

– Нет-нет, дочка, не надо! Просто устал маленько. Набегался с утра, вот ноги и не держат. Сейчас посижу, и все пройдет.

– Может вам водички дать?! – спросила она, склонившись к нему, так что его нос чуть не провалился в большой вырез платья на ее груди. Это зрелище его слегка приободрило, и он уже более окрепшим тоном произнес, катая языком остатки от растворившейся не до конца таблетки:

– Водички, говоришь?! А, давай! Не откажусь.

XVIII

Несмотря на кажущуюся «медвежатость», и свой слегка пиратский вид, Один был очень пунктуален в своих поступках. Не дожидаясь сообщения руководства «Астрона» о поступлении официальной заявки на монтаж оборудования Прямого Луча, он уже ко второй половине дня, сформировал команду из молодых (хотя и сам был молодым) сотрудников своей лаборатории. В ее задачу входил анализ расчета параметров фокусировки и телеметрии будущего гиперпространственного тоннеля между Сиренией и объектом под каталожным шифром 2P-ЖК89756—3.827x1026—3. Это означало, что объект находится во втором рукаве Млечного Пути, на орбите желтого карлика с присвоенным номером, имеет светимость в 3.827x1026 Вт и является третьим на его орбите. Другого более подходящего названия Земля еще не успела приобрести. А когда руководство подтвердило получение заявки, у него уже бала готова вся необходимая аппаратура для монтажа в обусловленном месте. На доставку, монтаж и расчет топологии ушла еще неделя. Перед первым включением аппаратуры для фокусировки роторного луча в заданном направлении Один отвел Господя в сторонку и почесывая медвежеобразной пятерней в затылке заговорил немного извиняющимся голосом:

— Тут, дружище такое дело, понимаешь... Как-то сразу я

не догадался тебя предупредить, а потом завертелся и стало не досуг...

– Говори, не томи! – вскинулся на него Господь, предчувствуя какую-то грядущую неприятность со стороны приятеля.

– В общем, – собрался с духом Один, – лучик-то наш ротонный не совсем безвредный будет для планеты. Точнее, абсолютно вредный. В общем, короче говоря так, когда мы включив установку начнем пропускать его через сверхтекучий ^4He (гелий) появится так называемое вихревое возбуждение его квазичастиц с постоянным линейным ускорением. На начальном этапе скорость будет невелика, но она будет увеличиваться по экспоненте. И хотя масса квазичастиц весьма мала, но на таком расстоянии, разогнавшись до скорости гораздо большей, чем 50 миллионов скоростей света, обязательно повлияет на объект.

– Каким образом?! – с испугом воззрился на него Господь.

– Не знаю, – пожал плечами Один, переходя с почесывания затылка к почесыванию носа, – это все зависит от многих факторов. В частности атмосферы планеты и кончая его ядром. Атмосфера, насколько я в курсе, имеет очень большой процент кислорода, поэтому он пострадает первым. Большая часть его сгорит, особенно когда мы начнем хлестать планету лучами, проводя первоначальную фокусировку. Потом, конечно, все устаканится, и выход кислорода будет происходить в минимальных дозах.

– А что ты там говорил насчет ядра?! – нетерпеливо спросил Господь.

– Там все еще сложнее выглядит, – шмыгнув носом, заявил астроном. – Мы не знаем о ядре планеты ничего. Только луч, достигнув ее, сможет прощупать нутро и рассказать о нем. Может оно каменное, тогда ничего с ним не сделается, а может оно жидко-металлическое, обладающее электромагнитным полем, тогда есть опасение, что оно может изменить свою конфигурацию...

– И?!

– А значит и гравитационные параметры.

– Эх и ничего себе! – воскликнул Господь. – Да из-за этого может измениться вся суть эксперимента! Ты понимаешь, садовая твоя голова, что экспериментировать будет не с чем и не с кем?! Ты же всех там поубиваешь!

– Так-то уж и всех?! – попробовал обидеться он на друга, но по большому счету понимал, что это его собственный недогляд.

– Всё?!

– Что, всё?! – не понял его Один.

– Я имею в виду, что это всё, что ты хотел мне сказать?!

– Н-нет! – просипел устыженный астроном.

– А что еще? – чувствуя, как внутри него все ходит ходуном, воскликнул Господь.

– Ротонный луч, посланный нами к планете, достигнув ее, обязательно отразится, так как имеет слишком малую массу,

чтобы пробить ее насквозь и продолжить дальше свой полет. Так вот, отразившись он уже потеряет первоначальные свойства и превратится в так называемый биротон. Таким образом, получатся уже два ротона с противоположно направленными импульсами, которые образуют связанное состояние с орбитальным моментом $L=2$, энергией связи 0,25 К.

– И что?! Не забивай мне голову своей тарабарщиной! Она и так у меня гудит.

– А то, что отразившись, этот луч захватит с собой все, что можно с ее верхних слоев атмосферы и понесет обратно к нам, как это и положено в соответствии с законом об углах отражения лучей. Правда, мы можем его отклонить в любую сторону, но куда?

– Подожди-подожди! – пробормотал, поморщившись, собеседник. – Ты говоришь, что он будет захватывать все, что попадет в зону его охвата?! Я правильно тебя понял?

– Ну да! – кивнул Один. – Правда, при этом его энергетика значительно ослабнет, но...

– Постой! – перебил его Господь. – А кварки?

– Что кварки?

– Кварки он будет с собой захватывать?!

– Будет конечно. Этих – в первую очередь. Но далеко не все, а только те, что будут витать в верхних слоях, и только их легкие фракции. Тяжелые частицы он не потянет.

– Одинушка, дорогой! Иди сюда! Дай я тебя расцелую, паршивца, эдакого! – закричал Господь, на обалдевшего

от такой неожиданности астронома. И не дожидаясь того, сам кинулся к нему обниматься и целоваться.

– Что?! Что случилось-то?! Ты объяснишь или нет?! Сумасшедший! То чуть ли не с кулаками лезет драться, то бросается целоваться взасос! Жениться тебе надо, психопату, а то ты становишься уже опасным для окружающих! – проорал в свою очередь он, утираясь рукавом от слюней буйнопомешанного друга.

– Ты не представляешь, – продолжал верещать тот, немного отступив, – как ты помог сейчас всем нам.

Чуя, что невольно реабилитировался в глазах Господя за несвоевременное предупреждение о побочных эффектах Луча, сделал заинтересованное лицо, ожидая более толкового объяснения своей вспыхнувшей радости.

– А я то все время гадал, как да как переправлять на Платформу, перескочивших с одной эволюционной ветви на другую, а оно вон как все просто решилось.

– И как же?! – все еще не успевая за мыслью приятеля, недоумевал завлаб.

– Элементарно! Поясняю на пальцах, тяжкодумам и дуботолкам! После завершения жизненного цикла, тело испытуемого, путем естественного разложения высвободит заключенные и связанные в нем антропоморфными связями кварки, которые под влиянием объективных физических процессов, естественно будут устремляться к верхним слоям атмосферы и там застревать в силу невозможности самостоятель-

но преодолеть гравитацию планеты.

– Подожди, торопыга! Ты хочешь сказать, что биротонный луч, отразившийся от верхних слоев атмосферы, невольно подхватит кварки сущности испытуемых и доставит их к нам сюда?!

– Не обязательно сюда. Скажу даже больше. Вообще не сюда! Зачем они нам тут будут нужны?! У нас для них слишком неподходящая агрессивная среда обитания. Ты же сказал, что луч можно отклонить в любую сторону! Так?!

– Ну да.

– Ну вот, ты его и отклонишь в сторону специально смонтированной Платформы. Класса «люкс», как ты мне сам и подсказывал.

– Ну да, – опять, как попугай повторил Один. – Но что тебе это даст, не понимаю?! Ведь кремниевые кварки будут пребывать в мизерном количестве, неся в себе лишь сущность своего субъекта, душу, так сказать. А из одной души полноценное существо не лепишь – материала маловато будет.

– Пустяки! – отмахнулся Господь. – Был бы тоннель, а уж что по нему пустить – поезд, дрезину или струю воды, уже не так принципиально.

– То есть как это не принципиально?! – опять засомневался Один.

– А вот так! Когда отраженный ротонный луч, который ты называешь биротоном, достигнет Платформы, пока еще

пустой, без наших преобразованных кварков, мы с той же Платформы, запустим ему навстречу нейтрально заряженные кварки кремния. И пусть они себе потихоньку ползут. А когда в следующий луч уже понесет в себе свою ценную добычу, то неизбежно будет сталкиваться со встречным потоком кварков. Помнишь, мы в детстве лепили снеговиков. Тот же самый принцип. Кварки сущности будут, как снежный ком обрастать нейтральными кварками пущенными им навстречу. В результате, на выходе, или на входе, это как тебе будет угодно назвать, получится точная копия испытываемого объекта, но воссозданная на другой элементной основе.

Вид у Одина был ошарашенный. Он только сейчас начал осознавать всю грандиозность задуманного Господем эксперимента. Сцепив на животе пальцы рук в замок и при этом делая круговые вращательные движения большими пальцами, он что-то соображал. Наконец сообразив, что пауза слишком уж затянулась, изрек:

– Да. Конечно. На Платформе этого кремния хоть жопой ешь. Организовать луч, внутри другого с противоположной направленностью, тоже не ахти какая, проблема. Вроде все сходится.

С интересом всмотрелся в знакомые с детства черты лица друга. Потом расцвел улыбкой и с еще большим прищуром добавил, склонив по-собачьи голову набок:

– Слушай! А ведь ты у нас гений! Непременно надо будет сообщить твоей маменьке, то-то она обрадуется!

– Опоздал, дружище! – без тени юмора в голосе ответил тот. – Она знает об этом с самого моего рождения. Ладно. Давай, не тяни. Чего уж там? Включай свой рубильник.

– А ты не боишься? Последствия могут быть фатальными для животного мира планеты.

– Да знаю. А куда деваться?! Не все же, надеюсь, погибнут. На оставшихся в живых особях и будем делать ставку.

– Ну как скажешь. Мое дело предупредить. Не я отвечаю за проект, – пожал плечами Один и подойдя к пульту начал понемногу двигать рычажок реостата, поднимая напряжение в цепи.

– Да, – чуть слышно отозвался Господь, – кто-то должен будет ответить за все перебитые горшки. И этим кто-то, конечно же, окажусь я.

Через несколько дней Большой Ротонный Энерго-Информационный Луч достиг своей конечной цели и после непродолжительной серии «прощупываний» наконец сфокусировался и зафиксировал свое состояние. Все было готово к телепортации первой партии добровольцев-исследователей, которым вменялось в обязанность провести исследования животного мира с целью выявления наиболее пригодного класса особей для дальнейших экспериментов. Господь сам хотел участвовать в первой экспедиции, но все окружавшие не поддержали его энтузиазма, упирая на то, что руководителю, а это право никто у него не собирался оспаривать, не следует очертя голову лезть в дела подобного рода, и что

для этого хватает безумцев помимо его скромной, но очень важной персоны. В экспедицию отобрали девятерых аспирантов с кафедры Саваофа. Молодые сиренианцы, которым до тошноты надоело копаться в музейных экспонатах и без конца вносить поправки, в никого не интересующие каталоги с восторгом восприняли идею эксперимента и с еще большим восторгом засобирались в трудный и опасный путь. Один со своими ребятами все это время почти не вылезали из подвала института, порой даже ночуя возле мерно гудящих установок по излучению. Старик Саваоф проводил один из своих последних инструктажей, когда в подвал спустился Господь, поэтому не обратил на него внимания, а тот, в свою очередь воспользовавшись невниманием шефа подошел к астроному. Поздоровавшись с Одним, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.